

ДИНА
СЕРПЕНТИНСКАЯ

ХИТНИЧЬЯ
ЖИЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дина Серпентинская

Хитничья жила

«Автор»

2023

Серпентинская Д.

Хитничья жила / Д. Серпентинская — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-91328-8

«Хитничья жила» посвящена теме поиска уральских самоцветов. Роман основан на личном опыте автора-геолога, работавшей в карьере по добыче демантоидов — зеленых искрящихся гранатов. В подобный карьер устраивается работать и главная героиня книги, Валя Гордеева. Напряженные трудовые будни молодого геолога скрасит поистине судьбоносное знакомство с местным хитником — искателем самоцветов Тимуром Байкуловым, охваченным идеей встретить свою жилу. Нетривиальная любовная линия органично вплетается в сюжет и дополняет производственные описания, читать которые не менее интересно, чем следить за развитием отношений между героями.

ISBN 978-5-532-91328-8

© Серпентинская Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I. Карьер	5
Глава 1. Скиталица	5
Глава 2. Собеседование	19
Глава 3. Знакомство с карьером	28
Глава 4. Попутчик	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дина Серпентинская

ХИТНИЧЬЯ ЖИЛА

Часть I. Карьер

Глава 1. Скиталица

Состав грязно-зеленого цвета остановился с тяжелым скрипом, и из вагонов высыпал народ. Вухла находилась в трех часах езды к югу от Екатеринбурга, северный рубеж Челябинской области; захолустный промышленный городишко, каких на Урале сотни; станция некрупная, и на стоянку отводилось десять минут.

Среди первых на перрон спрыгнула шатенка в серой рабочей форме и грубых ботинках на два размера больше ее реального с непробиваемым, казалось бы, носком. Кто-то из вахтовиков спустил ее дорожную сумку, энергично подхватив которую, она поспешила на привокзальную площадь. Пустынный перрон оживился в два счета. Поезд «Новый Уренгой – Челябинск», скрипя, потянулся дальше, на юг.

Валя Гордеева шла твердым, неженским шагом, на всякий случай оглядываясь по сторонам: вдруг тетя решила встретить ее здесь, на перроне? Дошла до площади и только там перевела дыхание. Тети нигде не было. Отдельные темные пряди выбивались из непокорного хвоста, карие глаза сосредоточенно смотрели перед собой. Один за другим к ней подходили таксисты, но все они встречали отказ.

Из-за угла вывернул старый грязный пазик, и на площадь вывалил народ. Дверцы разъехались, выпуская темный поток. В конце, после всех, показалась и тетя, грузная женщина в черных брюках и сером плаще. Она держалась одной рукой за поручень, второй поправляла съехавший платок, прикрывая тем самым выбившиеся пряди коротких, черных, с нередкой проседью волос. Она смотрела под ноги, как бы не оступиться, поэтому племянницу не видела.

– Теть Лиль! – окликнули ее.

Тетя присмотрелась и сразу же заулыбалась.

– Валюша! – бросилась обнимать племянницу. – Как же ты повзрослела! Давно приехал поезд? Долго ждала?

– Нет, поезд прибыл минут пятнадцать назад. Только поднялась с перрона, и ты подъехала.

– Хорошо. Ты говорила: поезд будет в полдвенадцатого. Я отпросилась с утра, напекла пироги... Валюша, какая же взрослая ты стала! Геолог, какая умница, – с гордостью произнесла тетя: в промышленном регионе эту профессию ценили и уважали.

– Спасибо, тетя Лиль, – смущенно заулыбалась Валя и махнула в сторону таксистов: – Поехали скорее, а то пироги твои вкусные стынут!

– Да зачем, так бы доехали, на автобусе... Берет, наверное, дорого...

– Я узнавала: девяносто рублей. Это по-божески. Вот в Новом Уренгое за такси заплатишь – без штанов останешься. Прикинь, таксист просил две тысячи за десять километров! Но это разводилово на дурака. А здесь недорого, поехали скорей!

– А, да? Ну давай...

Таксист, пожилой кавказец, бросил дотлевшую сигарету и, хлопнув дверцей, завелся. Проезжая по ушатанной дороге мимо бревенчатых изб и выцветших, завалившихся заборов, Валя отметила, что за три года Вухла не шибко-то преобразилась. Только гора из шлака раз-

рослась в размерах, и теперь ее издалека было видать, а никелеплавильный комбинат порция за порцией выбрасывал в воздух сернистый газ – дымил и днем и ночью.

А вот погода радовала: если в Уренгое с неделю как выпал снег, то здесь стояли удивительно теплые для середины сентября деньки. Солнце светило так, как не светило и в июле, в пик жары. Бабье лето во всей своей красе. Ветер вовлек листву в золотистый вихрь; ржаво-желтый лист прилип к стеклу и прокатился до дома тети.

Улица Чекакина, на которой та жила, относилась к Никелю, призаводскому району. До нулевых на этом месте был пустырь, а после выросли пятиэтажки. Квартиры выдали жильцам бараков и тем, кто встал на очередь в годы перестройки.

В прошлом тетина семья ютилась в доме с дровяным отоплением и без каких-либо удобств. В туалет приходилось бегать на улицу, а за водой – на колонку, и это в черте города, в районе шлаковой горы. Дом стоял на первой линии к заводу, окна выходили на отвалы, а на участке хилая рассада сидела в рыжей, выжженной земле. Тетя с домочадцами надеялись на расселение.

И сколько было радости, когда в 2001 году Фазульяновы наконец-то получили двушку в новом доме, – сбылась мечта пожить по-человечески! – а по-другому это не назвать. Тетя работала диспетчером в плавильном цехе, а муж Рустам – распиловщиком на мраморном карьере, у пары подрастала дочь Альбинка, и сами они век копили бы на новое жилье.

Сейчас, когда прошло пятнадцать лет, дочь выросла, уехала учиться в Екатеринбург, а брак дал трещину и муж ушел к другой, тетя осталась в квартире одна. Жилье свое любила и благоустраивала, насколько позволял скромный доход. Подкопит – поставит счетчики на газ, на воду, еще подкопит – поменяет двери, шкаф. Квартира была тем немногим, что она имела, и поэтому тетя всячески поддерживала в ней уют.

На весь подъезд стоял капустный дух, и Валя сразу же узнала в нем знакомый с детства аромат. Они прошли на кухню и уселись за стол. Тетя, скинув полотенце, нарезала румяный, источающий невероятный аромат пирог, выбрала большой кусок и придвинула тарелку к Вале.

– Кушай-кушай, не голодуй.

– Ммм... вкуснотища-то какая! Как всегда, выше всех похвал, – причмокивая, похвалила племянница.

– Кушай, Валюша, кушай. Дожуешь, хоть расскажи, как твоя вахта. Как Севера?

– Да так, – пожала плечами та. – Есть свои сложности, но приходится работать. Первый месяц я была на испытательном с зарплатой двадцать тысяч, а со второго мне пообещали шестьдесят. Дорогу они оплачивают, а межвахту – нет. Что заработал за месяц, на то и живи. Если поделить шестьдесят на два, то в месяц выходит тридцатка. Для вахты это негусто, но главное, есть работа. И дело дрянь, когда ее нет...

– Да, Валюша, – кивнула Лиля. – Главное, есть работа. За нее и держись.

– А без нее никак. Все только в нее и упирается. Найти бы уже, наконец, постоянную и не метаться с места на место. Чтобы все устраивало: и условия, и зарплата, и отношение...

В задумчивости Валя уставилась в одну точку. Тетя подлила им чай.

* * *

В десятом классе Валя Гордеева решила стать геологом. И неудивительно: все шло к тому. Детство, проведенное у бабушки на Урале, школьная любовь к химии, желание что-то исследовать и не сидеть на одном месте, а также мамины практичные советы (она говорила дочери, что на золоте и на нефтянке деньги гребут лопатой) определили выбор будущей профессии.

И пусть ее будут спрашивать, что сподвигло тебя взять в одну руку лопату, в другую гитару и побегать в горы искать золото, как стереотипно представляют себе быт и жизнь геолога, Гордеева, как всегда, отшутится историей, в которой, как известно, лишь доля шутки.

По легенде, начиная с первых летних каникул у бабушки, пока другие девочки играли с куклами, Валя бегала на речку Вухлянку и играла там с камнями. Урал в геологическом плане интересный регион, и даже первоклашка без профессиональных знаний видела, какие разные породы можно встретить в русле горной реки. Зеленые и бурые, с рыжей коркой ржавчины и вишневым налетом ожелезнения, светлые породы с поблескивающими на солнце перламутровыми чешуйками слюды, серую гальку жильного кварца, принесенную Вухлянкой откуда-то с гор, гладкую, окатанную, вылизанную речным течением...

Валя не знала научных терминов и умных названий, а просто видела красивые узорчатые камни, которые собирала на берегу и мелководье, а затем раскладывала «по сортам»: пятнистые к пятнистым, полосчатые к полосчатым, однотонные к однотонным. Получались такие каменные пирамидки.

Когда в конце лета пришла пора возвращаться домой, Валя увозила массивный пакет с уральскими сувенирами и наиболее красивыми находками. Через ее поселок в Воронежской области тоже протекала речушка, но никакого интереса для юного геолога она не представляла: уральским разнообразием пород похвастаться не могла, на берегу встречались глина и песок, и ничего другого.

Целый год Валя перебирала свои сокровища и бойко отбивалась от мамы, которая просила отсыпать «лишнюю» щебенку в плошки к комнатным цветам. Задача была не из простых: представители одной породы при внимательном рассмотрении чем-то отличались, бурая полоска в одном и скопление светлых зерен в другом меняли рисунок и делали их непохожими. Трудно было определиться, какой из камней лишней, и в итоге маме пришлось отказать.

Рассказ о нешуточном увлечении Вали дошел до уральской тетушки, и в следующий приезд ее ждал подарок: Лиля достала для племянницы ценный образец. Это была силикатная никелевая руда, товарняком поставляемая в Вухлу прямо с месторождения на Северном Урале. Некрупный, но увесистый камень оттянул руку, и юный геолог ощутила, каков металл в своем первозданном состоянии.

На вопрос, для чего нужен никель, тетя со знанием дела рассказала, что металл этот прочный, ковкий, с высокой стойкостью к коррозии, поэтому необходим для получения нержавеющей стали и жаропрочных сплавов. Тетя обрисовала цепочку от и до: геологи нашли руду, металлурги выплавляли из нее никель, который при повторной выплавке добавили в состав стали, чем улучшили ее характеристики (технология называется легированием); ну а дальше авиаконструкторы построили самолет, инженеры – автомобиль, началось изготовление промышленных станков и оборудования для химической промышленности.

– Так что, Валюша, ты держишь в руках не какой-то невзрачный булыжник с улицы, а руду на ценный, стратегический металл, – сказала тетя в завершение беседы.

Валя зачарованно смотрела на блестящий серый камень и тоже хотела быть причастной к этому фантастическому процессу: стоять у истоков, находить руду, из которой выплавят металл и построят корабли и самолеты. Делать что-то важное, в каком-то смысле героическое.

Когда пришла пора, Валя подала документы на геологический факультет Воронежского университета. Учиться было сложно, но интересно. Гордеева слушала о магматизме и вулканизме, о геодинамических процессах, о смене эпох в истории Земли и в какой-то момент поняла, что теоретическая сторона геологии куда интереснее практической.

Как она сказала позже, суть учебы на геолфаке сводится к тому, что все пять лет слушаешь о высоких материях, а после защиты дипломной работы лезешь в канаву и копаешься в грязи.

У профессии «первооткрывателя» месторождений романтический налет и неприглядная бытовая сторона, с которой студентов знакомят после первой же летней сессии. И если учебно-полевая практика готовит будущих поисковиков к спартанским условиям, в которых им предстоит жить и работать, то производственная практика сполна дает прочувствовать немытую шкуру одичавшего за три месяца в тайге геолога. Пока студенты вместе с энцефалиткой¹ и берцами примеряют на себя будущую специальность, выпускники должны определиться, готовы ли они оставить городской комфорт и умчаться по зову компаса и молотка далеко за Урал, в дикие и суровые места, где потенциальные месторождения ждут своих разведчиков, ждут и не дождутся.

Валя для себя решила, что готова. Она шла на красный диплом: не зубрила ради корочки, а жадно впитывала знания, что давал ей университет. В ней жила та любознательная девчонка, которая интересовалась применением никелевой руды и искала объяснение земным процессам. Что происходило на планете миллионы лет назад, как образовалась та или иная порода, где искать золото, нефть и алмазы, откуда берутся землетрясения и цунами – теперь она знала ответы на прежде сложные вопросы и обладала пониманием происходящего.

Студенческие практики больше всего любила за возможность поехать по России и побывать в местах, в которых сама бы никогда не оказалась. Если учебно-полевые практики в Адыгее и Крыму после первого и второго курсов проходили под присмотром преподавателей, которые жили со студентами на базе и учили тех основам специальности: как документировать обнажения горных пород, отбирать образцы и строить геологические карты, то производственные практики были не групповыми, а индивидуальными, и давали больше свободы.

О них студенты договаривались сами: рассылали резюме по предприятиям и ехали туда, куда им дали добро. Так, закончив третий курс, Валя попала на россыпи алмазов на Северном Урале (алмазов, правда, за три месяца так и не увидела, а только грязь от шламовых² проб, зато насладились дивной красотой тех мест, а это, согласитесь, уже не так обидно).

А после четвертого курса топтала в сапогах-болотниках Магаданскую область. Геологическая партия³, в которую приняли студентку на полевые работы, вела поиски золота. Огромный самородок с той практики Валя не привезла, но парочку хороших образцов касситерита⁴ прихватила. По ним и писала диплом, сравнивала оловянную руду из трех участков Сусуманского района.

После успешной защиты, не дожидаясь вручения диплома, Гордеева улетела в Магадан, где ее уже ждали на руднике в Тенькинском районе. Это место она также нашла через интернет: списалась с главным геологом и договорилась о летней стажировке с перспективой остаться на постоянную работу.

Поскольку руднику для выполнения плана по добыче нужно постоянно пополнять запасы руды, руководство вкладывается в поиски и разведку новых участков и привлекает к этому геологов. Так, выпускнице геолфака поручили документацию канав на лицензионном участке, и с июля по октябрь Валентина детально вырисовывала и описывала кварцевые жилы, где в теории сидели золотинки, а парни-студенты отбирали пробы – материал для спектрального анализа⁵, который должен был показать содержание драгоценного металла, стоит ли его здесь искать.

¹ Разновидность спецодежды, защищающая от укусов энцефалитного клеща.

² Песчано-глинистый материал, полученный при бурении скважин и поднятый на поверхность с глубины.

³ Входящая в состав предприятия группа геологов, решающая конкретную задачу (например, поисковые работы в пределах одного участка); другими словами, экспедиция.

⁴ Главный рудный минерал для получения олова.

⁵ Способ определения химического состава вещества с помощью спектров, испускаемых и поглощаемых его атомами и молекулами.

По сравнению с прошлогодней практикой условия были королевскими: вместо брезентовой палатки – комната в двухэтажном общежитии, свет, горячая вода, нормальный туалет, вместо стирки в ледяном ручье – машинка-автомат на этаже, вместо гречки с тушенкой на костре – питание в столовой, вместо изнуряющих пеших маршрутов – УАЗ «буханка», резвое «такси» от рудника и до участка. Как бонус канавы с видом на Колымское водохранилище и в подчинении пять парней-опробщиков – для молодой геологини не работа, а мечта! Зарплата пятьдесят пять тысяч в месяц, а если в долларах, то тысяча семьсот.⁶

Но все хорошее быстро заканчивается, и в октябре главный геолог вызвал Валю и сказал: – Спасибо за работу, Валентина. Сейчас расклад такой: канавы все добились, а на подземке штат геологов укомплектован. Мы думали, куда тебя пристроить, и решили предложить тебе поехать в Сусуман. На россыпи, на постоянку.

Валя не знала, как ей реагировать: по правде, радоваться было нечему. В прошлом году она проходила практику в Сусуманском районе и с участка возвращалась через этот город.

Мрачной атмосферой запустения он напомнил Сайлент Хилл в колымских декорациях, а вид обшарпанных многоэтажек, местами попросту заброшенных, совсем не вызывал желания там жить. Еще запомнилась невероятно длинная дорога: до Магадана их вахтовка⁷ ехала часов тринадцать – такие расстояния на Колыме.

– Это полупустой город на трассе? – все же уточнила Валя. – Там же дом, в котором торчит самолет? Как будто врезался на скорости и пробил окно второго этажа. Была проездом, сурово там.

Главный геолог засмеялся, закивал:

– Да-да, есть такой дом. Ну слушай, Сусуман еще держится на плаву. Город золотодобытчиков, и у компании там несколько россыпных объектов. С геологами только дефицит: специалистов не хватает.

Валю посетила невеселая догадка.

– А платят сколько?

– Меньше, чем здесь. Но здесь вахта, а там постоянка. Отдельная квартира, а не общага, рабочий день восемь часов, а не двенадцать, два выходных. Смен меньше, поэтому зарплата ниже и на руки выходит сорокет. Плюс в конце года хорошая премия, если выполним план по золоту. Северные отпуска – пятьдесят два дня, – расписал условия начальник.

– Можно я... подумаю?

– Да, конечно. Решать тебе.

Гордеева уже закончила работу на канавах и приводила документацию в порядок. Еще неделя, и пора сдавать материалы, а дальше ей здесь делать нечего. Либо соглашаться на Сусуман, либо самой что-то искать...

После недолгих размышлений она склонилась ко второму варианту. Пусть и никакой определенности с работой, но нет смысла соглашаться на зарплату в сорок тысяч, когда ценник на все «северный», высокий: к примеру, килограмм яблок в магазине стоит пятьсот рублей.

Чтобы попасть на прилавок в Сусумане, эти яблочки проделывают длинный путь из Магадана и за шестьсот километров в дороге, видимо, покрываются тончайшей золотистой пленкой – откуда еще такая цена? И все товары привозные, «золотые». В этом морозильнике нет ничего, кроме льдов и ценного металла. Достойных условий для специалистов, как оказалось, тоже нет.

Гордеева объяснила свое решение начальнику и с первой же вахтовкой вернулась в Магадан. С ней рассчитались за три с половиной месяца, выплатили все, как обещали.

⁶ По курсу 2012 года.

⁷ Внешне гибрид грузовика и автобуса, спецтехника для перевозки людей и грузов на производственный объект.

В Магадане она обежала офисы всех золотодобывающих предприятий, наивно полагая, что полученным на руднике опытом можно кого-то всерьез заинтересовать. Но мало ли было таких сезонных работников, осенью оставшихся ни с чем?

Постучись она в преддверии полевого сезона, возможно, ей бы и дали добро. Но в середине октября, когда Колыму завалило снегом, ручьи все перемерзли и вести поисковые работы стало нереально, шансы закрепиться в этих краях были равны нулю. На добычу в подземных условиях женщин не брали. Для продвинутой работы в офисе требовалось умение строить в программах рудные модели, считать запасы золота, но Валя этими навыками не владела.

Испытывая досаду, она просиживала время в Магадане и тратила деньги, заработанные с таким трудом. Дни стремительно летели, а надежда, что ее резюме рассмотрят, таяла на глазах.

В какой-то момент ее посетила идея искать вакансии по всему Дальнему Востоку. Валя была наготове, как солдат. Нацелилась на то, что как только подвернется дельный вариант, она быстренько купит билет и полетит. Составила список компаний, разослала резюме и стала ждать.

Быстрее всех откликнулись в Приморье. Государственная организация предлагала постоянную работу и проживание во Владивостоке, но летом требовалось обязательно выезжать в поля⁸. Квартиру иногородним специалистам снимали. Обещали зарплату в двадцать пять тысяч, а в полевой сезон – от сорока. Конечно, можно было подождать предложение поденежнее, но, поскольку время поджимало, Валя без колебаний согласилась на этот вариант.

В конце октября 2012-го она улетела во Владивосток, где проработала почти два года и уволилась. А дальше по иронии судьбы попала на Урал.

Вернулась к истокам, зарождению своей геологической мечты, к первым открытиям и наблюдениям, детским местам на берегу Вухлянки и косым пирамидкам из речных камней – к ощущению, что все только начинается и, пусть она уже бывалая геологиня, лучшее ждет ее впереди.

* * *

Лето 2014 года выдалось во всех смыслах жарким, и Вале пришлось побегать в поте лица.

До того, как приехать к тете в сентябре, она уволилась из приморской конторы и месяц промоталась в поисках работы, пока в августе ее не вызвонили из Нового Уренгоя. Она была бы рада остаться во Владивостоке на камералке⁹, но директор поставил ультиматум: либо, не оттягивая, выезжаешь с партией в поля, либо пишешь заявление и уходишь по собственному желанию; вот ручка, вот листок.

Валя написала заявление и о своем решении не пожалела. В прошлом году она провела безвылазно четыре месяцев в полях, и этого хватило, чтобы понять: ко второй такой «ходке» она не готова.

По сравнению с Колымой, климат в Приморье был мягким, бесснежный сезон – длинным, и геологам приходилось буквально жить в тайге. Отработали один участок, переехали на другой, на третий – и так до белых мух. Постепенно счет дням терялся, бесконечные маршруты, хождение лесными тропами становились чем-то тупым, бессмысленным, а вахтовка из города казалась машиной из будущего, которая вернет одичавших людей в цивилизацию с магазинами, городскими улицами, интернетом и всеми теми благами, которые человек начинает ценить только будучи отрезанным от внешнего мира.

⁸ Полевые работы – проведение поисково-разведочных работ в дикой местности; подразумевают проживание в тайге в палатках, приготовление еды на костре и прочую «романтику».

⁹ Камеральные работы (в противоположность полевым) – обработка полевого материала в городских условиях, когда геологи работают в кабинетах: строят карты, пишут отчеты. Если полевые работы проводятся в летнее время (в зависимости от региона, с мая по октябрь), то камеральные – в зимнее, когда погодные условия не позволяют выезжать в поля.

При таких условиях текучка в организации была высокой. Молодые специалисты приходили за опытом, который наработывали за год-два, а затем убегали на рудники Чукотки и Колымы – туда, где вахта и зарплата от семидесяти тысяч.

Приличный доход объяснялся тем, что на готовом месторождении с подсчитанными запасами стабильно отрабатывается руда, а значит, водятся деньги. А участок на стадии поисков всегда кот в мешке: найдут не найдут под вопросом, только денег вбухают немерено, а бездонные недра готовы поглотить самую астрономическую сумму. Ну и подход таков, что съемки, поиски и любые геологоразведочные работы на ранней стадии финансируются государством, а добычными объектами владеют уже частные компании. Частнику невыгодно вкладываться в съемку тайги, проходить с нуля все стадии разведки – проще купить месторождение с запасами и добывать себе металл. В государственных организациях зарплаты минимальные, в частных – повыше, есть перспективы и престиж.

Валя смотрела в том же направлении и понимала, что идти работать нужно на эксплуатационную разведку – на рудники, карьеры – туда, где лучшие условия и развита инфраструктура, где геолог как у Христа за пазухой: живет в общежитии, питается в столовой, пользуется электричеством и горячей водой. В мечтах она нацелилась на крупную золотодобывающую компанию с объектами по всему Дальнему Востоку, но не имела ни связей, ни личных достижений, чтобы ее заметили и устроили туда. Была начинающим специалистом; по сути, никем. Ее опыт не превышал и двух лет, программ по моделированию она не знала, была женщиной в мужской профессии, что тоже шло не в плюс, а в минус. Неудивительно, что резюме так и висело без ответа, а компания мечты маячила на горизонте...

А время шло. Квартиру пришлось освободить и перебраться временно к девчонкам, своим коллегам. От них Гордеева и продолжила искать работу. С деньгами обращалась аккуратно, ведь хорошо знала их свойство утекать сквозь пальцы; благодаря подругам не платила за жилье. Все шло по плану до поры до времени, пока девчонки не пришли понурыми с работы и едва ли не с порога ошарашили ее.

– Сегодня дирик вызывал к себе. Лучше сядь, Валюха. Короче... он в курсе, что живешь у нас.

– Да?! Откуда? – переполошилась Валя.

– Без понятия, но думаем, что Машка проболталась. На днях к нам заходила. Мы пили в кабинете чай, и у меня зачем-то вырвалось: «Валька все поражается, как это у нас на Тихой тараканы по столу не бегают: у нее на Сафонова кишмя кишели, от соседей-бичей через щели лезли». И Машка такая: «Она че, у вас живет?» Я прикусила язычок, – прикрыла рот рукой Алина. – Забылась и сболтнула лишнего, а та все вечно ходит, как мышь, вынюхивает и у себя на этаже сливает.

– А сегодня дирик вызвал и спросил, у вас ли Валентина, – продолжила вторая, Аня. – Мы наотрез: нет, не у нас, на что он обещал заслать кого-нибудь на днях с проверкой. Сказал, что трешка на Тихой обходится недешево, и не мешает посмотреть, как там дела. Вот так, прикинь? По ходу, донесли, и он все знает... Очень уверенно об этом говорил.

– Понятно, – только и сказала Валя.

Она прошла в комнату и растерянно уставилась на гору из сумок и пакетов – весь скарб, что нажила во Владике.

– Ты не расстраивайся... Поищи что-нибудь на «Фарпосте», – в нерешительности топтались у двери подруги.

Кто и был в самых стесненных обстоятельствах, так это они: и выпроводить неудобно, и у себя оставить нельзя.

Валя прогнала нехорошие мысли, будто девчонки это специально разыграли, чтобы от нее избавиться. Зная директора, его манеру до всего докапываться, она могла предположить, что так оно и было: услышал сплетни и раздул скандал.

– Какой же он мелочный! Жалко, что я недельку-другую у вас перекантуюсь? Ведь ясно, что не навсегда!

– Сама как думаешь? Он на тебя рассчитывал, а ты ушла, – вздохнула Аня. – А дирик бесится, что молодежь не затащить в поля. Он сам же говорил: год сходят, перезимуют в городе, а к лету увольняются, находят место лучше. Текучка жуткая: кто мало-помалу научился, те сваливают. Приходят новички за опытом – и так из года в год. В организации деды за шестьдесят и молодежь до тридцати, а середины нет. Деды повымрут, и триндец конторке. Все грустно здесь, короче... А с тобой пошел на принцип: уволилась – крутись теперь сама. Он знает, что во Владике квартиры дорогие, ты дружишь с нами, а мы вдвоем в трехкомнатной живем. Куда пойдешь? Конечно, к нам – здесь и гадать не надо.

– Да... ты права. Логически подумать, дирик мог и сам об этом догадаться, – устало согласилась Валя. – Плюс та манда пустила слух.

– Да. Уж извини, что все так вышло. Никто тебя не гонит, но нас предупредили. Мы люди подневольные, и нам самим снимают. Заявится проверка, увидит здесь тебя, погонят следом нас.

– Я поняла, я съеду. Дайте день-другой.

В тот же вечер Гордеева нашла жилье. Комната в квартире с хозяйкой показалась самым экономичным вариантом и обошлась в семь тысяч в месяц, но при заселении пришлось отдать еще семь тысяч агентству – итого четырнадцать. Фирмочки, заполонившие Владивосток, питались тем, что стояли посредниками между арендодателями и их потенциальными жильцами; в интернете сложно было встретить объявление без пометки от агентства. И хочешь не хочешь, но в первый месяц выложи двойную сумму: хозяйке за аренду и фирме за подбор жилья.

Валя перебралась на Нейбута, в район Зеленого Угла – крупнейшего в России авторынка подержанных «японцев», куда съезжалась вся страна. Хозяйка жила в трешке. Помимо Вали, был второй жилец, разведенный мужчина, оставивший жене квартиру. Его почти не видели: днем он работал, вечером таксовал и приходил лишь помыться и переночевать, так что спросить до заселения, как обстановка, было некого.

А в день заезда ждал сюрприз. Не успела квартирантка распаковать вещи, как бабуля обозначила условия: пока на улице светло (в летнее время до десяти вечера), свет не включать, по возможности реже смотреть телевизор, чтобы не жечь электричество. Машинкой желательно пользоваться на последней стадии стирки – полоскать уже вручную постиранные вещи. Частые стирки не приветствовались. Готовить жильцы должны, как в общежитии: чистить, резать в своих комнатах и только потом занимать плиту на общей кухне. Есть должны тоже по комнатам – толкаться в одном месте ни к чему.

В холодильнике хозяйка отвела каждому уголок под продукты. Посоветовала готовить маленькими порциями, поскольку большие кастрюли занимают много места. Дверь в комнату попросила всегда держать открытой. «Чтобы я видела, чем ты занимаешься». Ключи не дала, аргументируя это тем, что всегда находится дома и жильцам они без надобности.

Не привыкшая к тотальному контролю, Валя через неделю готова была бежать. Студенткой она четыре года снимала с девчонками квартиру, один год жила в общежитии, но ни дня с хозяйкой. И вот теперь вкусила «прелести» такого проживания сполна. Отвалила четырнадцать тысяч и сама же мается.

Что же касается бабули, та не испытывала неловкости перед квартирантами за то, что стесняет их во всем, ограничив личное пространство до спичечного коробка. В область ее интересов не входили нужды и потребности людей, она лишь хотела стабильно получать доход от комнат, но при этом строго следила, чтобы жильцы как можно меньше нажгли электричества и пролили воды – как можно дешевле ей обошлись. А лучше бы вообще их не видеть! Но чтобы деньги при этом шли.

В этом плане ей нравился разведенный жилец, который уходил рано утром и приходил поздно вечером. А безработная Валя, которая днями слонялась без дела, ее раздражала. На вопрос, останешься ли на второй месяц, та ответила, что съедет. Бабуля набрала агентство, где четко обозначила: такого-то числа уходит квартирантка, подыщите человека, работающего в дневную смену – других не предлагать!

В стремлении съехать от пожилой диктаторши Валя бросила все силы на поиски работы, еще активнее рассылая резюме. В кратчайшие сроки она должна была найти место и уехать из Владивостока. Все это напоминало Магадан в 2012 году. Она вернулась с рудника и сидит на чемоданах, готовая сорваться, только бы куда позвали – один в один картина.

Вскоре количество перешло в качество, и на множество отправленных ей резюме откликнулись наконец-то несколько компаний. Самое интересное предложение прилетело из Сибири: фирма оказывала геологические услуги на нефтяных и газовых скважинах. Офис находился в Красноярске, а работы велись в Новом Уренгое. Вале предложили заехать на участок геологом группы ГТИ¹⁰, пообещали зарплату в шестьдесят тысяч, но в первый месяц, на время стажировки, – вполовину меньше. Дорога оплачивалась, а межвахта – нет.

Думать было нечего. Валя согласилась.

Вечером она обрадовала маму, а утром побежала на медосмотр, узнала стоимость билетов, расценки транспортной компании, начала укладывать в сумки вещи.

Вездесущая бабуля стала допытываться, куда это квартирантка так в спешке собирается, ведь прошло две недели, а уплачено за месяц, на что та ответила:

– В Сибирь, нефть качать!

Видимо, хозяйка запереживала, как бы не пришлось вернуть часть денег. Но Валя на этот счет не заикалась, только гремела сумками и бегала как заведенная туда-сюда.

Шум сборов раздражал, но, видимо, при мысли, что комната освободится раньше времени, старушка удержалась от замечаний; она стояла в коридоре и временами вмешивалась с советами, куда что лучше положить. Квартирантка слушала вполуха: ее поглотили мысли о предстоящей вахте, а реплики хозяйки отошли на задний план.

Дни бежали. Валя посоветовалась с мамой и решила погостить в межвахту у тети Лили: от Нового Уренгоя до Вухлы были всего сутки на поезде.

Мама созвонилась с Лилей: та жила одна и не прочь была принять племянницу. Валя заказала в транспортной компании услугу адресной доставки, чтобы вещи привезли к порогу и тетя получила их в то время, как племянница будет на Северах.

В середине августа Гордеева покинула Владивосток. Жалеть ей было не о чем: портовый город ничего бы ей не дал. Перед глазами встала четкая картина, как год за годом она просиживает молодость в полях, торчит в тайге безвылазно по пять месяцев. Начальство засылает, пока она здорова и годна, на горные работы, а если не согласна, то ей легко найдут замену.

Геологи в полях – ресурс возобновляемый: всегда есть молодые и голодные спецы, особенно из тех, кто после техникума¹¹, кто звезд с неба не хватает, идет, куда зовут, и делает, что скажут.

Валя смотрела в будущее с надеждой, бросалась в неизвестность с легкостью. Она быстро адаптировалась к ситуации, потому что не была привязана к одному месту, а скитание по стране вошло в стиль жизни с юных лет. Привычный шум вокзалов и аэропортов, туго набитая дорожная сумка и ставший родным спальный мешок, простенькое колечко наудачу и трудовая книжка с отметкой: «принята горнорабочей», а на последних записях и «принята геологом», очевидица перемен и роста, когда производственные практики сменили официальные места работы, – все это Валя проходила много раз.

¹⁰ Геолого-технологических исследований.

¹¹ Техник-геолог – специалист со средним профессиональным образованием.

Поезд из Владивостока в Красноярск мало того, что шел по времени трое с половиной суток, так еще и опоздал на пятнадцать часов.

Где-то в Забайкальском крае пассажирский состав простаивал часами, пропуская грузовые поезда. Как объявили недовольным, на путях велись дорожные работы. А за окном стремительно пролетали встречные вагоны, набитые валютой, элитными вещами и товарами для рынка Дальнего Востока. Иначе было не разъехаться, и люди, обливаясь потом в бездвижном составе, ждали, пропускали груз. Бывалые, кто часто ездил, это знали и рассказали остальным.

Проводница собрала заявления на имя главы РЖД. По закону за каждый час опоздания возмещался небольшой процент от стоимости билета. Валя подсчитала, что за пятнадцать-то часов с ее суммы должны вернуть две с половиной тысячи рублей, и тоже написала заявление, указав номер карты, но ей так ничего и не перевели. Ни через неделю, ни пару месяцев спустя, когда Гордеева обратилась на сайт компании. Ее запрос проигнорировали и даже обошлись без извинений за столь долгую задержку.

В Красноярске Валя оформилась в организацию. Мелкая, частная фирмочка занимала первый этаж жилой многоэтажки спального района. Управляющий коллектив был малочисленным: главный инженер (он-то и звонил), два инженера рангом ниже (мужчина и девушка, которая совмещала функции кадровика), бухгалтер, директор и его заместитель. Остальные – рядовые геологи, которые сменяли друг друга по вахтам и в главном офисе (одно название, что главный) не появлялись.

Фирма была подрядчиком у дочерней компании «Роснефти» и занималась геологическими исследованиями газовых и нефтяных скважин на участках Ноябрьска и Нового Уренгоя.

Валя воодушевилась, что научится чему-то новому, ведь в геологии столько направлений, столько путей! Но на всякий случай уточнила, тридцатку ли получит на руки за первый месяц стажировки. На что смазливенькая кадровичка захлопала ресницами.

– Нет, – говорит. – За первый месяц двадцать тысяч. Вы только учитесь...

– Как так? Мне обещали тридцать... А со второго – шестьдесят, – заерзала на стуле Валя: что-то пошло не так.

– Да, после стажировки шестьдесят. Но в первый месяц двадцать. У нас так.

Валя нервно кивнула: отступить-то некуда. Куда она сейчас пойдет, обратно на вокзал? Уж ладно, перетерпит месяц, а там получит шестьдесят.

– Чай, кофе? – постаралась сгладить обстановку кадровичка.

– Мне кофе, – последовал сдержанный ответ.

На время стажировки Гордееву оформили геофизиком третьей категории, на самую низкооплачиваемую должность в фирме, а со второй вахты обещали перевести в геологи, на зарплату в шестьдесят.

Валя взяла в конторе десять тысяч рублей авансом. Билет до Нового Уренгоя ей купили, спецодежду выдали; компенсацию за медосмотр и дорогу из Владивостока обещали начислить с зарплатой в октябре.

По приезде в Новый Уренгой Валя столкнулась с проблемой, как добраться на участок. С вокзала нужно было своим ходом попасть на *куст* – группу скважин, условную точку на карте среди множества таких же. В других компаниях людей встречали и отвозили на вахтовках, а здесь добираться, милая, сама.

Начальник дал ей карту местности и номер таксиста Армена, который отвезет «куда нужно» за две тысячи рублей (сумму компенсируют). На деле же вышло так, что Армен довез геологиню до газпромовских ворот на выезде из города, а дальше проезд был строго по пропускам.

Валя в первый раз ехала по незнакомой местности, и ушлый кавказец воспользовался этим. Сказал, что дальше ему нельзя, пусть вызвонит своих, «тут недалеко», «почти приехали» – и запросил две тысячи. Она с ним расплатилась, взяла чек для отчетности и позво-

нила супервайзеру¹² компании-заказчика, чей номер также дал начальник. Представилась геологом от красноярской фирмы, сказала, что доехала до «каких-то» ворот, а дальше таксистов не пускают и как ей быть? Тот попросил дать трубочку охраннику, и парень пояснил, какие это именно ворота. Оказалось, что до ее куста пиликать сорок километров! Таксист, хваленный руководством, ее же и надул!

«Ну красота! – подумала она. – Чего же дальше ждать от них?»

А супервайзеру деваться некуда, пришлось ее встречать...

Кругом багряным полем расстилалась тундра, куда ни глянь: с севера на юг, с запада на восток. В ушах свистел неумолимый ветер. Валя с тоской смотрела на дорогу, сливавшуюся с белесым горизонтом, и ежилась от холода. Пока ждала машину с супервайзером, продрогла до костей.

Север – резкая смена времен, непредсказуемый прогноз, фактически вторая половина августа, а кажется, что октября; по календарю начало осени, по ощущениям – промозглый ее конец, едва ли не зима; сегодня бабье лето, тепло и ясно, а завтра снега по колено. Север тренирует собранность и учит быть готовым ко всему.

Через полчаса подъехала машина с водителем и супервайзером, высоким, худым мужчиной лет сорока пяти в черной спецовке с нашивками: «Роснефть». В беседе он держался просто, всю дорогу вдоль газпромовских объектов рассказывал об особенностях добычи газа, в чем ее отличие от добычи нефти, интересовался Валею, где работала, чем занималась. А когда ей позвонил начальник из Красноярска и она назвала его по имени-отчеству, супервайзер жестом показал, что хочет с ним поговорить.

– Здравсте, Николай, – начал супервайзер, и тон его похолодел: – Это Андрей Петрович, «Роспан». Мы забрали Валентину. Мерзла, ждала нас у северных ворот. Вы бы организовали перевозку своих людей, что ли. Мы их не обязаны встречать. Такого уговора не было. Или звоните, узнавайте, когда идет от нас машина в город. Не в первый раз уже такое... Машины может и не быть на месте – и что тогда? – он посмотрел на Валентину с какой-то жалостью.

Главный инженер фирмы-подрядчика что-то промямлил в ответ, но возражать не стал, зато потом сорвался на сотруднице, перезвонил с претензиями.

– Валентина, что это было и почему мне за тебя выговаривают?

Но та не растерялась и обрисовала ситуацию:

– Таксист содрал две тысячи и кинул, высадил у северных ворот. Пришлось звонить супервайзеру, чтобы забрал.

– Зачем было тревожить человека? Могла бы раньше позвонить, узнать насчет машины. А раз не позвонила, кто ж ей виноват? – ловко все переиграл начальник.

– Так вы же говорили, что отвезет таксист... Вы сами дали номер...

Главный промолчал и после паузы продолжил:

– Ладно. Приступай к работе. Евгения за старшую, все тебе покажет. По всем вопросам к ней, – сказал как отрезал и сбросил звонок.

Вопросов и в самом деле было много, но красноярская контора их не решала, заезд на вахту это показал. Валя, конечно, не хотела судить по первому дню, но выводы напрашивались сами.

Разговор с напарницей подтвердил опасение, что в эту фирму идут не от лучшей доли. Женька проходила на нефтянке практику, а выпустилась – и полгода не могла найти работу. Когда же позвонили ей, то счастью не было предела. Теперь она мечтала об одном – поднатереть и убежать в другое место. А за неимением выбора терпела. Дамокловым мечом висел над ней кредит.

¹² В нефтедобывающей промышленности это руководитель, который контролирует весь процесс бурения. По сути, главный человек на буровой.

На вахте Валя рассталась с багажом из заблуждений, который привезла с собой. По телефону главный инженер напел одно, а на деле вышло совсем по-другому.

Помимо реальной зарплаты ей открылось и то, что никакими геолого-технологическими исследованиями их контора не занималась. ГТИ-вагон был рядом, там сидели свои специалисты. Тягаться с ними было не по силам: оборудование не то. Красноярский подрядчик зачем-то назвался группой ГХИ, геолого-химических исследований, когда точнее было бы назваться ГФИ – химии здесь никакой, сплошная физика, определение физических свойств пород: взвешивание шламовых проб во влажном, сухом и подвешенном состоянии (в мензурке с водой), на основе этих значений – математические расчеты, показатели плотности и давления.

Сами гэхэишницы к названию не придирались и переименовать себя начальство не просили; пусть переставляют три буквы как душе угодно, в любой удобной им комбинации, лишь бы платили хорошо и вовремя, а остальное и неважно.

Главной задачей геологов было рассчитать коэффициент пластового давления залежи газа. При аномально высоком значении они били тревогу. Промедление могло привести к аварии: давление внутри газовых пластов на глубине настолько мощное, что буровую установку в сто тонн вышибет, как пробку из-под шампанского.

В этой ситуации группа ГХИ срочно ставила в известность главного, супервайзера, а тот давал указания утяжелить буровой раствор – простой, но своевременный шаг предотвратил бы страшные последствия.

Валя осознавала, какая ответственность на них лежит. Воображение разыгралось не на шутку: ошибись они на знак после запятой, как вся буровая встанет на уши, и сам генеральный директор сорвется перепроверять их данные. Утрированно, конечно, но вывод напрашивался один: работа требует повышенного внимания. Предполагалась двенадцатичасовая рабочая смена: один геолог работает в день, другой – в ночь.

Не успела Валя захватить, как с головой ушла в замеры. То и дело бегала на буровую, отбирала мелкие обломки породы, поднимавшиеся с буровым раствором из глубины, возвращалась в вагон, взвешивала пробу на электронных весах, сушила в печи и взвешивала во второй раз; ставила на весы мензурку с водой, обнуляла значение, опускала пробу в воду и взвешивала в третий раз. Значения выписывала на листок и передавала Женьке; та забивала их в Excel, где все рассчитывала по формулам, затем отстраивала графики.

Женька, как более опытная, была в их паре за главную. Валя довольствовалась суетной, второстепенной работой, и дело свое знала: производила замеры, бегала с ситечком за шламом и обратно, но по ходу втягивалась в процесс и проявляла к расчетам все больший интерес. Она озадачилась: и как ее напарница одна со всем справлялась? И сбегай, и взвесь, и рассчитай, и начальству доложишь... Это каким человеком нужно быть, чтобы все успеть? А спать тогда когда?

После двух часов беготни Валя опустила на стульчик рядом и краем глаза взглянула на Женькин монитор. Взгляд переметнулся с монитора на листок, с листка на монитор и стал растерянным. Гордеева сверила значения и не могла понять, откуда взялись эти цифры в колонке с весами, когда на листке совершенно другие замеры? Вот же он, перед носом, исписанный ее рукой!

– Зачем ты вставляешь левые значения? – спросила Валя в лоб.

– Они не левые, – невозмутимо отвечала Женька. – Видишь АВПД¹³? Вот это значение должно получиться в конечном счете. Смотри, что будет, если ввести твои веса, – и вбила первые три цифры с листка. – Видишь? Запредельное значение! Это, я не знаю, не просто много – это до хрена! Аварийная ситуация, можно так сказать. А нам бы бить тревогу еще час назад, – усмехнулась та.

¹³ Аномально высокое пластовое давление.

– Но... как так вышло? – Валя сделала глаза по пять рублей. – В чем ошибка моих замеров?

– А ты вдумайся сама. Двадцать первый век, а мы считаем аномальное пластовое давление по каким-то формулкам из советских учебников. Зайдешь в вагончик ГТИ и обалдеешь: парни наштигованы по полной программе. Или у нас – ни оборудования, ни хрена, только допотопная печка и весы с большими погрешностями. Так что хоть взвешивай, хоть не взвешивай – погоды это не сделает. Я эту фишку сразу просекла и не парюсь, подставляю значения, какие надо. Нужно, конечно, появляться на буровой и создавать видимость, что отбираешь шлам, иначе камера все фиксирует, записи просматривают в офисе в Новом Уренгое, и будет странно не увидеть на них нас... Пойдут лишние расспросы, а это ни к чему.

– Но откуда ты берешь «нужные» значения? С воздуха? А если случится авария и мы не сможем ее предотвратить, а? Что тогда? – была близка к панике Валя, а внутренний дятел долбил: куда ты попала, под чем подписалась?

Напарница, совсем недавно дружелюбная, теперь смотрела с раздражением и всем своим видом выдавала: кого вы мне прислали?

– Да расслабься, ничего не случится! Так говоришь, как будто я здесь первый день сижу. Расчеты есть, для каждой глубины давление свое. Значения мне присылает Соболев из Красноярска. Я ставлю то, что говорит мне он. Только смотри нигде не проболтайся! – Женька с опаской оглянулась на дверь. – Для супервайзера мы, как и положено, отбираем, взвешиваем шлам, рассчитываем все по формулам. Ты поняла?

– Да. Мне не понять одно. Зачем я два часа, как в жопу стрелянная, носилась с этой грязью? – не постеснялась выражений Валя.

– Для видимости. Ходить туда придется – я объяснила почему.

– А если кто-нибудь узнает? Да нас же выгонят с позором!

– Не скажешь – не узнают!

– К чему это? Я не пойду трепать.

– Я так, на всякий случай...

Продолжать спор было бессмысленно. Вспомнилась пословица: не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Если в фирме так заведено, что сменщице плевать, а начальство у черта на куличках, и ему тем более на все плевать с высокой колокольни, как мог новый человек со стороны им что-то насадить? Другой вопрос: а оно ему надо? Времена энтузиастов канули в Лету. Порядочные правдолюбы раздражали, никто их не воспринимал, им затыкали рты.

Валя быстро разочаровалась в работе, по ошибке приняв ее за серьезную и ответственную. Ей передалось наплевательское отношение, и она нашла массу плюсов в своем безделье. Можно было смотреть фильмы, лазить в интернете, сколько угодно торчать в соцсетях – и все в рабочее время.

Женька продолжала подгонять нужные значения, Валя работала «на камеру», красовалась на буровой, а на обратном пути выбрасывала всю грязь, что набрала – все были счастливы, довольны. Супервайзеру каждый раз с умным видом расписывали технологию взвешивания проб с последующим расчетом коэффициента пластового давления. Тот слушал, кивал, вопросов лишних не задавал. Наверное, верил в компетентность...

Пока ночью не ворвался в вагончик группы ГХИ:

– Геологи! Что за дела?!

Девчонки дрыхли во второй комнатухе: одна на нижней полке, другая на верхней – спали в робах, накрывшись бушлатами. Услышав голос за перегородкой, обе подскочили как ошпаренные и выбежали к супервайзеру, потирая сонные глаза.

– Геологи! Что за подход такой к работе? Давление содит выше нормы, а вы молчите! Не ваша ли задача бить тревогу? Суточный отчет отправили – и на боковую, во дела! – газовик посмотрел в упор на начальницу группы из двух человек.

Женька рванулась к монитору, полезла в расчеты; супервайзер – за ней.

– В час ночи вы отправили мне суточный отчет, я получил. По вашим расчетам, АВПД выше 1,4, а это аварийная ситуация, думать нечего, нужно немедленно утяжелять раствор! Что скажете? Какие наши действия?

Надо было видеть Женькино лицо. Оно стало пунцово-красным, глаза забегали по комнате и остановились на Вале. Только они вдвоем знали, что их вычисления ровным счетом ничего не значат; сказать об этом супервайзеру – не скажешь.

– Возможно, нет... Возможно, ошибка в расчетах. Весы барахлят. У нас был спорный вес, и мы пересчитаем! – стала изворачиваться та.

– Что за спорный вес?! Геологи, вы здесь на что?

– Мы пересчитаем, мы все пересчитаем... – пролепетала Женька, переминаясь с ноги на ногу.

Газовик вышел от них мрачнее тучи. Для себя он сделал выводы.

Подумал: зачем здесь ГХИ, которые ни в зуб ногой? У них АВПД бьет все пределы, а они спокойненько на боковую! Могли бы разделить на две смены, кто в день, кто в ночь, и высыпаться не в ущерб работе. Раз этого не сделали, пусть как хотят несут дежурство круглосуточно. Что за дела? Отправили отчет вместо того, чтобы звонить во все колокола. Буровиков всех на уши поднял, готовятся утяжелять раствор, а девочки в расчетах не уверены! Здесь производство, а не детский сад.

Супервайзер решил, что спускать такое нельзя, и собрался писать на подрядчиц-разгильдяек служебную записку своему начальству. Но утром вахта подошла к концу, и он уехал в город, на это дело плюнул, переложил заботы все на сменщика.

Валя осознавала всю ответственность – а толку? Добросовестное взвешивание давало завышенные коэффициенты, Женька ей наглядно показала. Руководство подкинуло неэффективную методику, работающую в теории, в идеальных лабораторных условиях, а на практике геологи вынуждены были выкручиваться, подгонять.

– Капец, вот это я тупанула! На автомате вбила старые значения с листка! И супер сразу прибежал. Все надо перепроверять по тыщу раз! Ну ладно, здесь закончим и поедем на другую буровую, где знать про нас не знают... Главное, не напортачить там, – прикидывала Женька; на то и делался расчет.

– Игроем с огнем. Когда-нибудь да спалимся, – ответила ей Валя.

Гордеева ехала с вахты в смешанных чувствах. Вроде и работа подвернулась, хваленая нефтянка, вахтой, по пять месяцев в полях торчать не нужно, но нет порядка, риски высоки, а перспективы нулевые. И стоит заказчику прознать, чем девчонки занимаются по факту, как их вагончик вылетит с позором. Случись такое, контора перекинет всю ответственность на бедолаг, оставит крайними – и правды не докажешь.

Мысли настаивались всю дорогу, словно крепкий чай, а поезд все ближе приближался к Вухле, в окошке проносились стройные ряды елей, осин...

Валя почти созрела до решения: кого смешить, работа та – одно название, поиграла «в нефтяницу», и хватит. До следующей вахты есть ровно месяц, чтобы найти другое место.

Должна успеть.

Глава 2. Собеседование

За столом лилась живая, непринужденная беседа, звучал залиvistый смех. В центре внимания была Валя, ее приезд, который и собрал в субботу всех у тети Лили. Из Екатеринбурга примчалась Альбина ради встречи с кузиной, которую не видела восемь лет, а тетя отработала на комбинате смену и, выспавшись, помогла племяннице накрыть стол.

Валю засыпали вопросами о жизни, полевой романтике и дальневосточных городах. Летит же время! Последний раз она приезжала еще девчонкой, закончив десятый класс, а с поступлением в университет дорогу на Урал забыла: все лето занимали практики, а затем работа и связанные с ней разъезды, костры, палатки и поля.

– Да какая тут романтика, – начистоту сказала Валя. – Топчешь тайгу, вся в клещах, как в репьях, по десять штук за раз снимаешь. А тебе при этом говорят, что клещевой энцефалит в Приморье – самый смертоносный по России, не зря ж в поля не допускают без прививок. Хорошо хоть сейчас есть вакцина и диагностика, а то старые геологи рассказывали, как раньше народ в полях косила неизвестная инфекция. При мне деды вспоминали, как вывозили по трупу за сезон, – посерьезнела она. – Рассказывали, как одному рабочему поплохело ни с того ни с сего. Геологи решили, что обычная простуда, само пройдет. Но когда температура подскочила, все же вызвали из города вертушку. Погода стояла нелетная, и им отказали, отложили полет до утра. А наутро забирали тело: человек сгорел за одну ночь. Отчего, почему – а фиг его знает. Ничего им не сказали. Про клещевой энцефалит в те годы открыто не говорили, но со временем деды пришли к выводу, что это был он.

– Ба-а-а! – протянула тетя.

Она смотрела на племянницу широко раскрытыми глазами. Как-то не вязалась в ее представлении полевая романтика с тем, что она услышала сейчас.

– Охренеть! И как вы жили? – спросила Альбинка, бойкая и крупная, с круглым, как у тети, лицом. Кузина была на два года старше Вали.

– Ну, мы типа привиты. Как нам сказали, если переболеем, то в легкой форме, но не факт.

– А кто-нибудь из ваших переболел?

– В тот год, когда я устроилась, нет. До этого болели, выезжали в тяжелом состоянии с полей. При мне геолог подцепил боррелиоз. Передается так же – через укус клеща. А, и один парень подхватил желтуху. Рассказывал, в инфекционке думали, что он нарик с гепатитом, а оказалось, что геолог хлебнул плохой воды в маршруте. Лежал весь желтый. Ехал заработать денег, а заработал проблем на печенку и на свои же деньги ее лечил.

– Хотя, казалось бы, на свежем воздухе живете – должны быть здоровыми, как кони! – заметила тетя.

– Да какой там! Была у нас еще геморрагическая лихорадка... Передавалась от грызунов, – сказала Валя и задумалась, стоит ли ей продолжать.

К тому времени все уже поели и потягивали вино, так что можно было не переживать, что эта тема испортит кому-то аппетит.

– Подцепить ее легко. Если оставить на ночь открытыми продукты, есть риск, что их погрызет мышка, а после нее в рот лучше ничего не брать. Мне рассказывали, как пару лет назад начальник партии только и успевал возить народ в больничку. Так что за правило взяли подвешивать пакет с едой к потолку палатки, куда не доберутся грызуны. А большие деревянные коробки, в которых хранились овощи и крупы, обивали металлическим листом.

– Охренеть! Теперь понятно, почему ты оттуда свалила! Меня бы максимум на неделю хватило, – передернуло Альбину.

– Вот и я подумала, что не фиг там делать...

Тетя приподнялась из-за стола и спросила:

– Что, может, чаю? С тортиком, Валюша купила вкусный.

– Давай, мам, вскипяти пока, – кивнула ей Альбинка и принялась собирать со стола грязную посуду: – Ну и как тебе Владивосток? Наверное, в Японском море накупалась...

– Да какой там! – Валя усмехнулась от того, что весь вечер только и успевала развенчивать мифы, сперва о полевой романтике, теперь о своей жизни в «пляжном» городе. – Владик – красивый город. Есть где погулять и на что посмотреть, но в море искупалась этим летом в первый раз, когда ушла с конторы.

– А-а-а, у вас же летом экспедиция... Вы в своих лесах сидите.

– Ага, не до морей.

Послышалось движение из кухни. Торопливые шаги, в руках у тети шоколадный торт.

– Ну, а Новый Уренгой тебе как? Понравилось работать вахтой?

– Ох, Альбин, – вздохнула Валя. – В самом городе была проездом. Компактный, вылизанный, дороги идеальные. Было бы странно видеть разруху, когда кругом объекты «Роснефти» и «Газпрома», правда? Участки у них цивилизные, по всем стандартам, и платят своим специалистам хорошо. Но я работаю подрядчиком от красноярской фирмы, где условия совсем другие. Не знаю, какая у меня реальная зарплата и как я буду добираться на участок... Еще на вахту не заехала, а голова уже болит. По технологии работы тоже беспорядок, ставлю цифры от балды, причем мое начальство все устраивает.

– Бардак, короче, – вставила Альбинка.

– Я не уверена, нужна ли мне эта работа, – призналась Валя наконец.

Все посмотрели озадаченно.

– И что ты будешь делать?

– Искать другое. Что здесь есть поблизости? Не требуются ли геологи на никелевый комбинат?

Валя все продумала и решила, что на вахту не поедет. Не будет больше мерзнуть на трассе, добираться до вокзала на попутках, подгонять значения, изворачиваться, врать.

Она зашла на сайт трудоустройства, где обновила резюме, поменяла Владивосток на Екатеринбург и указала номер местной сим-карты. На случай, если кто-то из работодателей откликнется и предложит условия получше, чем имелись, она дождетя полного расчета и отправит заказным письмом заявление на увольнение, в котором попросит выслать трудовую книжку на адрес тети Лили. По закону ей должны отправить документ без личного визита в Красноярск.

– Давай спрошу в отделе кадров, – предложила тетя. – Но по зарплате вот не знаю. Ты же не пойдешь работать за пятнадцать тысяч? Я диспетчером в плавильном цехе столько получаю. Может, у геологов, повыше. Как-никак, инженера...

– Пятнадцать – не-е-е, совсем не вариант... Но ты узнай на всякий случай. И кстати, помнишь, ты дарила мне образец породы из коры выветривания по серпентинитам¹⁴? Ну, никелевую руду. Я до сих пор ее храню. Лежит в моей коллекции с другими образцами.

– Помню. Но ты сейчас как будто бы ругнулась, – заметила с улыбкой тетя.

– Ой, простите за терминологию, – смеясь, сказала Валя. – Используюшь в работе постоянно и забываешь, когда говоришь с обычными людьми.

От геологии быстро перешли к впечатлениям от Вухлы, событиям из жизни тети и двоюродной сестры. Поскольку Валя с Лилей за пару дней наговорились, все новости друг другу рассказали и все узнали, сейчас, за чаепитием, внимание переключилось на Альбину.

Кузина работала торговым представителем в Екатеринбурге. Весной взяла квартиру в ипотеку на десять лет. Дом строился в районе Южного автовокзала, план сдачи – к ноябрю.

¹⁴ Горная порода (в народе – змеевик). Узором и темно-зеленым окрасом напоминает змеиную кожу, отсюда и такое название.

Альбинка пребывала в ожидании, проверяла обновления на сайте строительной компании, боялась упустить момент, когда начнут раздавать ключи. Другие новости, быт и работа терялись на фоне главной. Кузина мысленно обживала свой уголок и приглашала всех зимой на новоселье; в ее словах была мечта о скором заселении.

Лиля могла только порадоваться за дочку и племянницу, чья молодая кипучая энергия, словно бурная река, сметая все на пути, прокладывала дорогу вперед. В их возрасте можно было отважиться на любую авантюру, пересечь полстраны ради лучших перспектив, взять жилищный кредит на много лет и постепенно его погасить. У Лили же за восемь лет ничего не поменялось. Она жила как заведенный механизм, работала посменно на заводе, носила стоптанные сапоги, ни разу не была на море. О чем она мечтала? Теперь уже и ни о чем. Дожить до пенсии, уйти на отдых – вот и все, чего она хотела.

– А знаешь, куда еще можно попробовать, – вдруг сказала тетя. – Я вспомнила: недалеко от нас находится Елгозинский карьер. Там добывают камень демантоид – знаешь про такой?

На что Валя быстро ответила уверенным кивком:

– Конечно, разновидность граната-андрадита¹⁵. Мы изучали в универе, что уральские месторождения лучшие и известны на весь мир! Но, слушай, я и не думала, что Елгозинка так близко. Мне почему-то казалось, что это ближе к Нижнему Тагилу...

– Нет, рядом с нами. От Вухлы на электричке ехать полчаса до станции Елгозинка. Там небольшая деревушка, улица из нескольких домов и магазинов. Я слышала: в окрестностях полно копателей из безработных мужиков, а сам карьер в лесу, с дороги не увидишь. Узнай в интернете, что за компания, нужен ли туда геолог и, если что, попробуй к ним.

– Спасибо, тетя Лиль! Я обязательно пробую. Надо же как...

Остаток вечера Валя просидела задумчивой: ее всерьез заинтересовал демантоидный карьер...

* * *

Потянулись томительные дни поисков.

Гордеева терялась: она посматривала в сторону Екатеринбурга, ее манил уральский мегаполис, но по объявлениям в интернете было понятно, что зарплату выше тридцати тысяч рублей ей не найти. В чужом городе придется снимать квартиру, а это пятнадцать тысяч в месяц плюс проезд – и что же останется?

– Вот, ради интереса посмотри, – протянула тетя местную газету.

Прочитав название, Валя хихикнула: интересно, что же ей предложит «Вухлинский рабочий»? Первым на глаза попало это: *«Местный алкомаркет набирает продавцов, оклад тринадцать тысяч»*.

Валя не сдалась и просмотрела весь столбец; убедилась, что зарплата в двадцать тысяч – потолок, после чего отбросила газету.

– Не, че-то не то. Не ради этого пять лет училась.

А на неделе тетя Лиля заглянула в отдел кадров. Ей сказали, что геолог требуется, но не здесь, а вахтами в Серов. На эту должность требуются высшее образование и опыт открытых горных работ¹⁶. Тетя продиктовала номер телефона, который Валя, не откладывая, набрала.

Ей ответил главный геолог Вухлинского комбината. Карьер, откуда поставляли руду, находился на севере Свердловской области, в пятистах километрах от Вухлы, – туда-то и требовался специалист.

¹⁵ Минерал; по химическому составу кальциево-железистый гранат.

¹⁶ То есть опыт работы в горных выработках открытого типа: канавах, карьерах, разрезах.

– А зарплата у нас невысокая. Восемнадцать тысяч, с премией получается двадцать две. Вахта неделя через неделю. Далековато будет вам кататься. Туда удобнее кого-то из местных, серовских. И лучше мужчину, – ясно дал понять главный геолог.

– Понятно. Спасибо. До свидания, – Гордеева выждала и сбросила звонок.

Как ни странно, ничего ее не удивляло. Она изначально не ждала чудес и сейчас подумала, что если не найдет другое место, то заедет на вторую вахту в Новый Уренгой, перекантует там месяц, заработает денег и по возвращении продолжит поиски. Авось не вылетит с позором, ведь Женька как-то приспособилась, не жалуется.

Главное, ходить с непрошибаемым лицом и демонстрировать уверенность, что все идет как надо, а если неудобный прилетит вопрос, то «барахлят весы», «был спорный вес» – и все, делов-то. Давление для каждой глубины давно известно, сказала Женька в первый день, а их геологический контроль – для галочки. Начальники на буровой догадываются, но кому-то сверху выгодно держать вагончик группы ГХИ.

В противном случае, а что ей остается делать? Фактически работа есть, зарплату обещают шестьдесят за вахту, по тридцать тысяч в месяц, и где она такую здесь найдет? Как показали поиски, картина невеселая. И чем сидеть без дела, разумнее скататься лишний раз на вахту. Не ради бестолковой и не дающей ничего в профессиональном плане работы, а ради денег, без которых не прожить. У Вали имелись накопления за прошлый полевой сезон, но ей как геологу была хорошо известна истина: любые запасы имеют свойство истощаться, если их не пополнять. Денег много не бывает, не зря же говорят.

Она не строила больших надежд и вбила в поисковике «Елгозинский карьер» скорее из любопытства к зарплате на драгоценных камнях, ведь если цифра ниже тридцати, то однозначно у нее одна дорога – на вторую вахту.

Пара кликов мышкой, переход по ссылке на сайт металлургической компании, и выясняется, что та, помимо основных активов, владеет лицензией на разработку елгозинских демантоидов. А общество с ограниченной ответственностью «Демур» (сокращенно от «Демантоиды Урала» по аналогии с «Алроса» – «Алмазы России», смекнула Валя) – ее дочерняя компания, хозяйничает на месторождении и извлекает самоцветы из недр уральских гор.

«О как, значит, занимаются цветметом. Оправы завались, для счастья не хватает только камня. Магнат наш не промышленник, а мастер-ювелир», – пришло тогда на ум.

Валя просмотрела фотографии и прочитала справку о месторождении, но нужную ей информацию, требуется ли геолог и сколько платят, не нашла. Поскольку время было рабочее, она набрала указанный на сайте номер телефона и с замиранием сердца прослушала длинные гудки. Когда же ей ответил мужской голос, не растерялась и спросила:

– Здравствуйте! Это ООО «Демур»? Можно поинтересоваться, требуется ли геолог на Елгозинский карьер?

– Добрый день. Да, требуется, – неожиданно обрадовал ответ. – Вы соискатель?

– Да.

– А как про нас узнали?

– Я сейчас в Вухле, от Елгозинки недалеко. Узнала про карьер и нашла контакты в интернете, – сбивчивым, взволнованным волосом объяснила Валя. – Мой стаж по специальности больше двух лет...

– Хорошо, – вежливо перебил ее представитель компании. – Отправьте резюме на электронную почту, – и продиктовал адрес, который совпадал с указанным на сайте. – С пометкой: «для Садырина А. В.». Я свяжусь, как изучу.

– Хорошо, сейчас. А еще... – Валя заикнулась было насчет зарплаты, но разговор превратился на самом интересном, и ей осталось только слушать короткие гудки.

Перезванивать и уточнять этот момент она не стала, чтобы не показывать, что заинтересована в вакансии больше, чем работодатель в ней. Решила подождать, когда же человек одоб-

рит резюме и выйдет сам на связь. А в том, что с нею свяжутся, она почти не сомневалась: была одна фишка, что выделяла ее среди других претендентов на место. Козырь, которым хотелось бить все карты.

В графе «Дополнительное образование» Гордеева прописала, что на базе своей кафедры минералогии прослушала спецкурс по геологии месторождений драгоценных и поделочных камней. И даже получила квалификацию «эксперт-геммолог»¹⁷. И пусть она ни дня не проработала по этой специальности, не занималась диагностикой, оценкой самоцветов, а была геологом-поисковиком, но имела на руках сертификат, бумажку. А как известно, без бумажки ты букашка, и Валя верила, что это ей поможет заполнить путевку на демантоидный карьер.

Все так и вышло. Наверное, кто-то сверху заметил ее рвение, вознаградил за целеустремленность и дал шанс: прошло два дня, и Вале позвонили. Антон Валерьевич Садырин, управляющий директор ООО «Демур», ответственный за кадры, приметил интересную кандидатуру и пригласил ее на собеседование в начале следующей недели.

Утром в понедельник геологиня уже мчалась в Екатеринбург на всех парах.

...Пятнадцатизэтажный застекленный бизнес-центр сверкал в лучах полуденного солнца, словно большой кристалл; с парковки выезжал блестящий черный джип. Гордеева зажмурилась. Казалось, в этом здании так много денег, заходи, бери. Работай, будут и условия, и зарплата. Компания не бедствует, и это видно сразу: не та приморская контора в три этажа, где стены в трещинах и краска пооблезла. Но все ли золото, что ярко блестит? Готов магнат платить специалистам или хорошие условия для избранных, приближенных, а остальным лишь крохи с барского стола, как сплошь и рядом? Этого она не знала.

До собеседования оставался час. Валя увидела поблизости торговый центр, перекусила кофе с круассаном, прошлась по магазинчикам. Глаза разбегались по сторонам, но в ее положении, когда на счету каждая копейка, было не до шопинга.

К офису она направилась решительной походкой, обдумывая, что сказать. Стояла цель: не просто получить работу, а договориться на хорошую зарплату.

Она подошла чуть раньше назначенного времени. На входе в офис Вале показалось, будто бы она проходит фейсконтроль в элитный клуб, немного сомневается, боится не пройти... По жизни в джинсах, почти без макияжа, волосы в хвосте.

– Здравствуйте, вы к кому и на какое время? – спросил охранник на ресепшен.

– Здравствуйте, на собеседование к Антону Валерьевичу Садырину, в «Демур». Гордеева, на два часа.

Охранник вписал в журнал данные ее паспорта и выдал разовый пропуск. Валя прошла через турникет и поднялась в лифте на пятнадцатый этаж. Садырин задерживался, и секретарша попросила подождать в просторном светлом зале. Валя села на диван и устала на плазменный экран, на котором новостной канал вещал о курсах валют и котировках акций.

Вскоре на входе пискнул пропуск, стеклянные дверцы разъехались, холл пересекла фигура в черном.

– Антон Валерьевич, – привстала с места секретарша. – Звонили из геммологической экспертизы. Они получили нашу заявку на оценку камней и хотели бы обговорить условия.

– Хорошо, я свяжусь, – небрежно бросил молодой мужчина на вид не старше тридцати и, заметив Валу, кивнул ей: «Здравствуйте».

– Я Гордеева, на собеседование, – представилась она.

– Подождите, я вас приглашу.

Антон оставил пальто в большом зеркальном шкафу и, поправив часы, удалился в кабинет. Валя успела разглядеть директора: высокий, худощавый, в деловом костюме, держался отстраненно и смотрел – что на нее, что на секретаршу – свысока. Конечно, странно было

¹⁷ Специалист, который занимается определением, оценкой и сертификацией драгоценных и поделочных камней.

ждать другого от руководителя, который им неровня. Но ей почему-то вспомнились прежние начальники – главные геологи на предприятиях, где она до этого работала и проходила практики – и все они были простые мужики. Ходили в свитерах и джинсах, при встрече с кем-то из полевых товарищей протягивали натруженные руки, а к молодым специалистам относились по-отечески. Пусть и проявляли строгость, были требовательны, но Валя чувствовала, что они свои, геологи и мужики. А здесь белая кость, и, может быть, как человек он неплохой, но он другой, и это видно сразу. Антон далек от геологии, он управленец. И с большей долей вероятности, не парень «с улицы», а чей-то родственник или сынок.

– Проходите, – позвал директор.

Когда Гордеева вошла, он сел за стол в просторном кабинете. Вдоль стены напротив растянулся кожаный диван, а в углу притягивал внимание столик из серпентинита. Из приоткрытого окна донесся слабый шум с проезжей части далеко внизу, а золотистые лучи сначала вовлекали люстру в робкую игру, но вскоре, осмелев, растеклись по всей стене ярким потоком света.

Антон Садырин постукивал длинными пальцами по столу и смотрел на распечатанный листок.

– Гордеева Валентина Игоревна, – прочел он в резюме. – Присаживайтесь, – и, показав на кресло напротив, молча пробежался глазами по листку.

В резюме было много непонятных негеологу слов, но общая картина складывалась такая: в Магаданской области работала на золото, в Приморском крае – на полиметаллические руды, в Новом Уренгое – на газ. Из этого следовал вывод, что Валентина поехала по стране, имела дело с разными полезными ископаемыми и была своего рода универсалом; плюс не «сырая», после университета, а с опытом работы. Сертификат геммолога, конечно, добавлял ей очков. На карьере не хватало узкого специалиста, человека со знанием геологии месторождений драгоценных камней и пониманием того, что искать, а главное, где искать.

– Что можете сказать про камень демантоид? – спросил Антон, решив устроить ей проверку.

– Разновидность граната-андрадита. Имеет сильную дисперсию¹⁸. Проще говоря, ограненный демантоид сверкает, как бриллиант, и за это ценится в ювелирном деле, – ответила Валя.

Директор удовлетворенно кивнул; стало быть, штудировал различную литературу. Пост руководителя обзывал хоть немного в этом разбираться.

– Вот вы работали в Магадане, во Владивостоке... Как занесло-то к нам?

– Вот так и занесло, – вопрос вызвал смущение, улыбку. – Приходилось переезжать с места на место. Работа у нас такая, не заскучаешь. В Магаданской области я пробыла четыре месяца на проходке канав. Работа на золото, сезонная, до первого снега. В Приморье провела неполные два года. Летом поисково-съёмочные маршруты в тайге, зимой – камералка в городе. Условия специфические. Сейчас я здесь, потому что решила перебраться поближе к центру, – сказала Валя, а про себя подумала:

«И не такие расстояния преодолеешь, когда приспичит. И на Камчатку полетишь, и в Магадан, была бы там работа, а главное, зарплата – все нынче упирается в нее...»

– Мне интересно вот что. Ваше последнее место работы – ООО «Бургео», Красноярск. «Обязанности: петрофизические исследования шламовых проб, определение АВПД... так-так-так», – зачитал Антон. – И стаж: с августа по настоящее время. Что это значит? Вы все еще там числитесь или ушли?

– Числюсь, но готова уйти.

¹⁸ Оптический эффект, характерный для некоторых минералов. Свет, попадая внутрь кристалла, преломляется и распадается на все цвета радуги. Ярчайшее проявление дисперсии – это искристость в бриллиантах.

– А почему так мало проработали в компании?

– Я связалась с нечестным работодателем, – призналась Валя. – Устроилась к ним летом, заехала на первую вахту, но условия... оказались не очень хорошими, мягко говоря. И зарплата ниже, чем обещали. Сейчас у меня межвахта, месяц, даже меньше... Но скажу вам честно: я за ту работу не держусь.

Директор наморщил лоб. В какой-то миг его взгляд выразил поддержку (или ей так показалось), но тут же стал холодным, деловым, стальным.

– Где же вы остановились?

– У тети в Вухле.

– Я припоминаю, вы говорили, когда звонили. То есть вы готовы ездить на карьер из Вухлы?

– Ну да, – Валя не видела в этом проблемы, лишь уточнила: – Это каждое утро ездить туда, а вечером – обратно?

– Нет, зачем. На карьере пятидневная рабочая неделя, в понедельник утром заезжаете, в пятницу вечером выезжаете. Выходные дома. Все условия для проживания есть: теплые, обустроенные домики, баня, повар, питание за наш счет. Чем не санаторные условия? – на лице директора проступила ироничная улыбка.

– Это как посмотреть, – ответила геологиня весело. – Я по этим «санаториям» уже не первый год! Могу представить.

Антон пропустил ее смешок и продолжил с серьезным видом:

– Наши кадры из Екатеринбурга, а ехать до Елгозинки прилично, больше ста километров в один конец. На карьере есть все условия, чтобы жить там неделю, а на выходные уезжать домой. Да и сами понимаете: чтобы была дисциплина, нужно чтобы люди жили на участке, а не катались туда-сюда. Заехал, отработал, выехал. И с алкоголем у нас строго: с выпивкой не к нам.

– И правильно: мало ли что пьяные натворят, – согласилась Валя. Во всех организациях, где она работала, придерживались такой же политики, и пьющих не терпел никто. – А в чем заключается работа? Документация скважин? Канав?

И тут директор сел в калошу. Он не сказал ничего, что прояснило бы картину; отсутствие конкретики и выдало его в глазах специалиста.

– Мы ведем поисковые работы на демантоид. От вас потребуется... – замялся Антон, – описание образцов, выполнение геологических задач, ведение поисковых работ... – повторил он фразу, словно заученный текст.

Под поисковыми подразумевается целый комплекс работ, но негеолог этих тонкостей не различал и этим выдавал себя.

– Начальник участка Козлов Михаил Андреич все вам объяснит. Я отправил ему ваше резюме, и он ответил, что кандидатура интересная, подходите. Предлагаю вам съездить на карьер, увидеть все своими глазами, переговорить с главным специалистом. Если все устроит, то оформим вас со следующего понедельника.

Предложение директора показалось взвешенным, разумным, но прежде всего Вале хотелось прояснить важный для себя момент.

– А на какую зарплату я могу рассчитывать? – спросила она и, словно замерев, в напряжении уставилась на управляющего.

Тот не спешил с ответом и вчитался в резюме.

– У вас написано: «Желаемая зарплата: пятьдесят тысяч рублей». Но у нас геологи столько не получают. Здесь Урал, не Севера. Можем предложить вам тридцать пять, и это максимум.

Гордеева подумала, что не судьба ей завязать с полями и перебраться в чистый, теплый офис – но с этим ладно, не привыкать. Тревожило другое: не облапошат ли на этот раз? Рабо-

тодатель любит привирать зарплату и завышает цифру, чтобы заманить, – все эти фишки были ей давно известны.

– Тридцать пять чистыми, со всеми вычетами? Полевые условия, сами понимаете, неофисные, – заметила она.

– Но мы вообще-то платим полевые¹⁹.

– А сколько?

– Двести рублей в день на человека.

«Какие двести, вы о чем?» – подумала она.

Валя вспомнила Дальний Восток: в Приморском крае платили по пятьсот рублей, на Колыме – по тысяче. Но кто-то из геологов ей говорил, что на Урале мизерные полевые и это норма. Поэтому никто там работать не хотел. Все, у кого была возможность, ехали на Севера.

– А полевые входят в тридцать пять? Или идут отдельно? – уточнила та.

– Отдельно. Мы их выдаем начальнику участка, чтобы закупил продукты на неделю: мясо, крупы, овощи, хлеб, чай. Вы получаете зарплату и бесплатное питание, не ресторанное, конечно, но Алик-джан готовит хорошо, – улыбнулся Антон второй раз за собеседование.

– Ясно, – приободрилась Валя. Она переживала, что полевые включены в зарплату и с нее удержат за питание.

– В общем, езжайте на участок. От вас там близко, на электричке пару станций. Если все устроит, то в понедельник к нам сюда с вещами на неделю, с документами. Оформитесь, получите спецовку – и на участок с Михаилом Андреевичем. Он на своей машине, вас заберет.

– Одна проблемка, – озадаченно наморщила лоб Валя. – Моя трудовая книжка на пути из Красноярска. Можно первое время как-нибудь... без нее? Ксерокопия есть, и опыт подтвердить могу, но оригинал придется подождать...

– Я понял. Тогда давайте так: мы вас устроим по договору подряда. А через месяц либо его продлевайте, либо приходите с книжкой, и оформим вас по трудовому договору на постоянный срок. Это не проблема, – добавил он и на листке черкнул мобильный телефон начальника карьера: – Вот, Козлов Михаил Андреевич, созвонитесь с ним заранее. Нужно, чтобы вас встретили на станции и привезли. Как будете на месте, отзвонитесь.

– Да, конечно.

– Еще вопросы есть?

Гордеева покачала головой.

– Тогда жду вашего звонка.

– Хорошо, я поняла. До свидания.

– До свидания, – кивнул ей вслед Садырин.

До отправления вечерней электрички оставались вагон и маленькая тележка времени. Валя решила скоротать часы в торговом центре, прогуляться по отделам, помечтать о лучших временах, купить брусочек дорогого мыла и порадовать себя по мелочам. На новую работу возлагались огромные надежды, ни о чем другом она и думать не могла.

Собеседование прошло на удивление отлично, но Валя не могла избавиться от напряжения, сковавшего изнутри, и задавалась вопросом, не кроется ли здесь подвох. Казалось, поводов для беспокойства нет: работа наконец нашлась, и не какая-нибудь, а с зарплатой в тридцать пять, что для Урала неплохие деньги, не где-нибудь – на демантоидах, на редких, сортовых!

Вот что значит мысль материальна: захотела – получила. Но прошлый опыт не давал расслабиться. Она-то знала, не бывает так легко и просто, давно усвоила, что все дается с боем; а если ей и подфартило с рудником, то на короткий срок. Хорошая работа в долгосрочной перспективе – мечта, мираж в пустыне, манит, дразнит, но в руки не идет.

¹⁹ Стимулирующие выплаты за работу в полевых условиях.

Пригородный поезд шел до Вухлы три часа. На подступах к Елгозинке Валя всматривалась в темноту, пытаясь разглядеть в тайге карьер, но тщетно: его-то и в дневное время не увидеть, если не углубиться в лес.

Полусонная Валя оживилась и проверила на телефоне время: ехать оставалось полчаса. Она наметила примерный план: завтра созвонится с главным на участке и договорится, чтобы ее встретили, а затем поедет и посмотрит те места, где предстояло ей работать, и если повезет, то продолжительное время, не месяц и не два.

Глава 3. Знакомство с карьерой

Виталий Железняк поднялся в девяностых, во времена потерь и фантастических возможностей разбогатеть с нуля, когда башковитый инженер мог прибрать к рукам завод, и не один. В то время как одни поплыли по течению, не задумываясь о берегах, к которым их приберет, другие перестроились под новые условия и нацелились урвать кусок большого пирога.

Железняк, человек незаурядного ума, смекнул, какую выгоду из ситуации в стране можно извлечь. В начале перестройки он работал инженером-металлургом на заводе и, глядя на рабочих, тащивших с предприятия все, что плохо лежало, задумался о своем деле. Сбор лома цветных металлов – первая бизнес-идея, которая к нему тогда пришла. Он начал скупать за бесценок части кабеля, медные провода и все, что удавалось раздобыть. Предприимчивого и хваткого парня заметили в одной из группировок, где и предложили поддержку, а также выход на каналы сбыта.

В скором времени Виталя Железняк подмял под себя мелких скупщиков и стал монополистом в регионе: весь металлолом, цветной и черный, проходил через него. Он поставлял вторсырье на металлургические комбинаты Урала, по налаженным каналам сбывал в страны ближнего зарубежья. Его знали, с ним считались. Для бывшего инженера это был успех.

Но в какой-то момент он захотел играть по-крупному. В стране полным ходом шла приватизация бывших государственных предприятий. Все, кто опирались на силу, облизываясь, поглядывали на лакомые куски пирога, а рядовых граждан кормили иллюзией, что ваучер дает им долю в общей собственности и теоретически они могут участвовать в фиктивном дележе. В общем, посредством хитрых манипуляций Железняк завладел акциями завода по обработке цветных металлов и его фирма поставляла вторсырье уже на собственный завод.

Дальше – больше. В начале нулевых он перекупил еще несколько предприятий у разорившихся организаций и объединил все в одну металлургическую компанию, взяв под контроль весь процесс: от добычи руды до выпуска продукции. Дела компании шли в гору, и к настоящему моменту Виталий Железняк входил в топ-30 богатейших людей России по версии журнала Forbes, владел элитной недвижимостью в Лондоне, Москве и Екатеринбурге, жил с семьей на две страны.

И каково же было удивление людей, когда после двадцати лет работы с металлом уральский магнат неожиданно для всех вложил в новый проект. Завистники роптали, на кой «медному королю» сдались эти камни? Не мелко ли берет? Но плох тот бизнесмен, который мыслит узко, в рамках заданной направленности, не расширяет грани, не открывает новое.

Когда завеса тайны приоткрылась, выяснилось, что «Демур» был создан как компания его жены, Тамары Железняк. Она-то понимала толк в камнях и загорелась идеей не просто преувеличить семейное состояние, но и вернуть престиж уральским демантоидам, возродить легендарное месторождение, чтобы и сейчас, по прошествии ста лет, оно явило миру лучшие образцы искрящегося зеленого граната, равных которым не было нигде.

С момента находки на Урале во второй половине девятнадцатого века и до наших дней демантоид пережил и блеск, и забвение, и испытал вновь оживший интерес. Пик популярности этого редкого граната пришелся на начало двадцатого столетия, после того как эффектный русский самоцвет, «зеленый огонь», способный сверкать, как бриллиант, сразил всех на Всемирной выставке в Париже, стал любим при императорском дворе и уважаем ювелирами Тиффани и Фаберже.

Но блистать ему оставалось недолго. Поменялось правительство, сместились и приоритеты: когда к власти пришли большевики и страна встала на путь индустриализации, месторождения драгоценных камней, если те не представляли стратегической ценности, забросили.

То же Малышевское месторождение, знаменитые «Изумрудные копи Урала», в годы Великой Отечественной войны поставляли руду на бериллий, а используемая в процессе добычи взрывчатка, скорее всего, загубила немало дорогих камней ювелирного качества. Но в мирное время потребность в красоте вернулась и прииск заработал по прямому назначению, извлекая из недр изумруды, напоминающие своей структурой зеленый лед, и редчайшие александриты, драгоценные хамелеоны.

Что же касается месторождений демантоида, то два старейших, включая Елгозинское, были незаслуженно забыты. Лишь после перестройки о них вспомнили. Поблизости разведали и третье месторождение, территориально относившееся уже не к Среднему, а к Южному Уралу, хоть расстояние между ним и Елгозинкой не превышало и десяти километров.

Русский демантоид ждал своего триумфального возвращения и выхода в свет, где он мог сверкать, искриться. Но, пока люди наверху строили заводы и спорили о нуждах коммунизма, он сидел под землей, крепко скованный породой.

И его час настал. С приходом нулевых уральские бизнесмены всерьез заинтересовались самоцветами: на них можно было хорошо обогатиться, особенно если заняться чем-то редким, эксклюзивным вроде демантоида или александрита.

Тамара Железняк опередила конкурентов и предложила мужу свой бизнес-план. Тот с интересом поддержал ее идею, поскольку давно хотел проинвестировать какой-то выгодный проект, а тут деньги сами шли в руки. Виталий пробил информацию в Роснедрах и узнал, что в течение года состоится аукцион по продаже лицензии на Елгозинское месторождение демантоида в Свердловской области, после чего подал заявку. Конечно же, он выиграл: по-другому быть и не могло. И сразу начал обустривать участок, чтобы завезти технику, людей и запустить процесс добычи.

Компания «Демур» обосновалась на месторождении с весны 2014 года: тогда-то и начались первые работы под руководством Козлова Михаила Андреевича, опытного поисковика, геолога советской школы. Структура власти была такова, что пост генерального директора занимала сама Тамара Железняк (она же и владелица, официальное лицо), вторым человеком после нее шел племянник Антон, управляющий директор, который решал все организационные вопросы, предварительно согласовав их с тетушкой, подбирая персонал и выходя на фирмы, предоставляющие услуги огранки и оценки камней. Третьим важным звеном в цепочке руководителей был Козлов, начальник участка и главный геолог проекта. Он контролировал все в карьере и делал важнейшую работу – приносил Тамаре камень, за что явно не был обижен в зарплате.

В подчинении у Козлова было несколько геологов и восемь-десять мужиков-работяг. Этот пласт людей, населяющих карьер, постоянно менялся и обновлялся: кто-то уходил в поисках лучшего, и его место долго не пустовало, переходило к следующему бедолаге, околачивающему пороги в поисках работы, а кого-то все устраивало, но до поры до времени, и тогда он тоже увольнялся, чего не скажешь про верхи. Руководители бессменно оставались на своих местах и на мышиную возню в низах не реагировали. Их подобные проблемы не касались. Они были спокойны, ведь прекрасно понимали, что кадры не переведутся: не эти, так другие. Незаменимых охранников или камазистов нет.

Семейство Железняк гордилось своим детищем, которое их обогащало, а созданная компания быстро стала узнаваемой фигурой на рынке цветных драгоценных камней: ограненные демантоиды шли на экспорт в Японию, Канаду, США.

И как-то вышло так, что в самой России про уникальный камень толком и не знали, в то время как заокеанские ценители с готовностью выкладывали от полутора тысяч долларов за один карат...

* * *

Козлов подъехал к станции и мерил платформу нетерпеливыми шагами, когда из электрички вышла Валентина в желтой куртке «Найки». Он махнул ей рукой, и она живо направилась к нему.

– Ну здравствуй, Валентина! – бодрым голосом обратился к ней начальник Елгозинского участка, на что та кивнула, поздоровалась: – Я Михаил Андреич. Ну что, поехали? Покажем тебе наш карьер.

Вале Гордеевой хватило беглого взгляда, чтобы понять, что перед ней геолог, и признать в нем своего. В отличие от городского Антона с его холодно-сдержанной манерой, Козлов, наоборот, казался открытым и простым, несмотря на то что руководил целым карьером и годился ей в отцы.

Это был крупный человек, ростом выше среднего, в темном свитере и рабочем комбинезоне; его красное, испещренное морщинами лицо выдавало полевика – того, кто много времени провел на открытом воздухе и в полной мере испытал на загрубевшей шкуре воздействие ветра, солнца и мороза.

Они сели в синий старенький «Форд-Фокус» и, минуя деревню, поехали по проселочной дороге вглубь пожелтевшего, осеннего леса.

– А это Елгозинка, – пояснил Козлов, провожая взглядом удаляющиеся в зеркале домишки. – Ты здесь была?

– Нет, я ж неместная, – покачала головой Гордеева.

Деревня осталась позади. Единственную улицу составляли старые бревенчатые избы в два ряда, на одной из которых Валя разглядела вывеску: «Магазин», крупные буквы издали белели на голубом фоне. Краска частично облезла, и табличка вписывалась в общую картину запустения и разрухи.

– О, и даже магазин здесь есть?

– А как же! Здесь еще живут. И наши мужики приносят выручку, ходят за куревом и так, по мелочам: семечки, булки к чаю, лимонад. Здесь идти-то минут десять до нашей базы. Совсем недалеко.

Валя кивнула, мол, все понятно, и перед тем, как «Форд» свернул с дороги направо на карьер, остановила взгляд на кучке мужиков, шагающих по левой стороне.

Их было трое. Они ходили туда-сюда, один – с лопатой, двое – с кайлами, и громко перешучивались между собой. Чуть подальше, у обочины, стояли два внедорожника.

– А это не ваши ребята?

– Нет, это *хита*²⁰, нелегалы. Там приповерхностная россыпь, они отрабатывают ее, – ответил Михаил Андреевич просто, без эмоций.

По выражению его лица нельзя было определить, как он относится к этим парням, не напрягает ли его, начальника участка, подобное соседство.

– Они тоже ищут демантоиды?

– Да, но это уже за пределами нашей лицензионной площади. Пусть себе копаются, лишь бы к нам не лезли.

Ей хотелось спросить, а не рискуют ли нелегалы тем, что промышляют у всех на виду, причем с таким задором, как будто так и надо и нечего скрывать, но впереди показалась база.

Машина въехала на ровный, накатанный участок, по периметру которого стояли четыре домика, а посередине – ряд легковушек: «Девятка», «Нива», «Хонда-Цивик». Тут же встроился и «Форд».

²⁰ Хита, хитники – так на Урале называют людей, занимающихся незаконной добычей самоцветов.

Валя вышла и осмотрелась по сторонам. База находилась на небольшой возвышенности, дорожка от нее полого спускалась за отвалы, где по гудящим звукам техники несложно было угадать карьер. Со всех сторон подступала тайга, и даже в ясный день на площадку ложилась тень от частокола из исполинских пихт и сосен. Гордеева подумала, что ночью здесь должно быть жутковато, кругом такие дикие леса – а впрочем, ей не привыкать.

Следом из машины показался Михаил Андреевич и, не теряя времени, приступил к экскурсии.

– Это наша база, здесь мы живем. Сам карьер в той стороне, идти тут две минуты. Пробежимся здесь и *айда*²¹ с тобой туда, – показал он на отвалы.

В этот момент из ближайшего балка²² выглянул мужичок. Его черные глаза блестели, а заискивающая улыбка не сходила со смуглого морщинистого лица. Валя поздоровалась, и щупленький, низенький человек в майке, спортивном трико и тапках поздоровался в ответ. По акценту можно было принять его за выходца из южных республик или гастарбайтера из Центральной Азии. Валя их не различала, но вскоре поняла, кто перед ней такой.

– А вот и Алик-джан²³, наш повар из солнечного Ташкента, – представил сотрудника Козлов. – Или как, по-вашему, ош...?

– Ошпаз²⁴! – сказал узбек.

– Значит, ошпаз. Так вот, ты припоздала. В обед сегодня был вкуснейший плов. Приехала бы ты пораньше, Валентина, и тебя бы накормили. Алик, больше не осталось ничего?

– Нэ, все поели мужики, – с сожалением ответил Алик, разглядывая гостью.

Женщин на карьере не водилось, а безвылазно сидящему здесь Алику видеть их в других местах не приходилось. На неделе он нес вахту повара, а в выходные оставался за охранника; курило и какие-то заказы по мелочам ему привозили мужики.

– Вот так вот, Валентина. В большой семье не щелкают – это про нас.

– Не переживайте, еще наемся ваших блюд, – ответила с улыбкой Валя.

Начальнику – и не только ему – такой ответ понравился. Они прошли в балок.

Кухня и по совместительству столовая представляла собой тесную комнату с диваном, покрытым старым одеялом, и с низеньким столом, за которым обычно умещались пять-шесть человек: трое на диване и трое на табуретках. На краю стола кто-то оставил грязную, потрепанную колоду. Как это часто бывает в вахтовых и полевых условиях, за большим столом не только принимают пищу, но и отдыхают, развлекаясь игрой в карты, мужики.

На противоположной стороне балка, в углу, стояла буржуйка²⁵ с заготовленной охапкой дров и стол, сколоченный из досок, с провизией и портативной электрической плитой; ближе всех к двери был раковина. Помимо прочего, имелась и кладовка, огороженная занавеской, через которую проглядывалась связка лука на стене.

После обеда времени прошло немного, и от печи шел слабый жар, а к пряным ароматам специй примешивался запах пота. Алик-джан держал дверь нараспашку, но бесполезно: ветер угловое место у печи не обдувал, и бедный повар в мокрой майке изнывал от духоты, пока готовил.

– Это наш ресторан «Ташкент», – представил кухонный балок Козлов. – Температура тридцать пять в тени – чем не Ташкент?

– Ташкэнт, Ташкэнт! – активно соглашался Алик. Видно, эта шутка была у них в ходу.

²¹ *Диалектное* (Урал) Вперед, пойдем!

²² Передвижной домик на полозьях: используется как временное жилище или хозяйственное помещение.

²³ Уважительное обращение к мужчине в Центральной Азии. Но здесь имеет иронический оттенок.

²⁴ (с узбекского яз.) Повар или специалист по приготовлению плова.

²⁵ Металлическая печка-временка для обогрева помещения или приготовления пищи.

– И как вы уместаетесь, когда едите? – только и спросила Валя. Даже по самой скромной раскладке, на карьере работали никак не пять человек, чтобы всей толпой расположиться здесь.

– Нормально уместаемся. Кто где, кто здесь, а кто по своим норкам, – ответил Михаил Андреевич и показал в открытую дверь на бревенчатый дом напротив: – Мы все там живем, в одной комнате итээры²⁶, в другой рабочие.

– А я... где буду жить?

– Не переживай, для тебя отдельный домик. Будешь жить, как королева. Айда, я покажу.

Валя энергично кивнула Алику, мол, рада познакомиться, на что тот ответил ей подобием восточного поклона головы, – и с довольным видом вышла за Козловым.

Домик, построенный из фанеры, состоял из одной комнаты площадью десять-двенадцать квадратных метров и считался гостевым. Теоретически здесь мог бы остановиться кто-то из начальства, но за все время приезжал только Антон Садырин, и то лишь пару раз, в выходные, когда не оставалось никого, кроме охраны. Он жарил шашлыки и отдыхал с женой на базе, устраивая ей такой вот загородный уик-энд.

Казалось бы, отдельное жилище мог занять начальник Елгозинского участка – и кто же, как не он? – но Михаил Андреевич спокойно жил с геологами в общей комнате, и домик длительное время пустовал. Теперь же, когда на карьере ожидалась новая сотрудница, Антон решил, что лучше всего заселить ее туда, не к мужикам же. Что делать, если женщин, к которым можно подселиться новенькой, здесь нет.

По меркам полевых условий это был отличный вариант: комната с чистой и аккуратно выбеленной печью, кроватью и низким столиком. В отличие от кухонного балка с дощатым, грязным полом, напоминающим сарай, пол здесь, как дома, устилал линолеум. Валя представила, как будет ходить в одних носочках или босиком; главное, не лениться и мыть пол. Окинув взглядом комнату, она прикинула, что нужно привезти, и, конечно, не смогла сдержать восторг при виде настоящей русской печки: как будто бы приехала жить на турбазу.

– И даже печь... Какая красота!

– Нравится? – спросил начальник с гордостью. – Антон Валерьевич сказал селить тебя сюда. Домик новенький, никто тут толком и не жил.

– Спасибо, мне все нравится! – призналась Валя.

Во дворе он также показал ей баню, бревенчатую постройку в дальней части базы.

– Мы топим через день, по вторникам и четвергам, а в пятницу домой на выходные. Так что с гигиеной у нас порядок, Валентина. На этот счет не переживай, – заверил Михаил Андреевич.

– Вижу, что быт устроен, – дала та одобрительный ответ.

Они закончили экскурсию по базе и приблизились к отвалам, за которыми лежал карьер. Пологие северные борта перекрывала насыпь из отработанных пород; сам же карьер простирался метров на триста в юго-восточном направлении, упирался в крутые южные борта и имел вид неглубокой рыжей впадины, изрезанной извилистыми бороздами. По форме таких борозд, местами затопленных водой, и можно было сделать вывод о расположении демантоидных жил, а вся работа на Елгозинском участке была направлена на их обнаружение и разработку.

Валя и Михаил Андреевич шли по широкой дороге, накатанной КамАЗом; погода эти дни стояла ясная, глина подсохла и покрылась трещинами, но тем и лучше для Вали, которая приехала в кроссовках, – а иначе, кроме как в резиновых сапогах, здесь не пройти. Работа кипела в центральной части карьера, где скальную породу долбил необычного вида экскаватор, а двое мужиков стояли рядом на подхвате и откачивали мотопомпой воду, отводя ее через

²⁶ Инженерно-технические работники – специалисты, имеющие инженерное образование и соответствующую должность (геологи, инженеры, техники).

шланг в отработанную выемку, некогда жилу. Вместо привычного ковша у экскаватора имелся гидромолот, огромный перфоратор, раскалывающий цельный блок породы на отдельные куски.

По мере приближения шум возрастал, а от земли передавалась слабая вибрация. Михаил Андреевич сделал знак рукой, и они остановились.

– Не хочу перекрикивать технику, так что слушай здесь! – громко сказал Козлов, на что Гордеева кивнула: – Это гидравлический экскаватор с подвесным гидромолотом, или, как мы его зовем, «карьерный дятел». Слышишь, как долбит?

Валя прислушалась: дук-дук-дук-дук-дук...

– И вправду! – ответила она.

– Мы используем гидромолот для обработки вскрыши²⁷, чтобы подобраться к жиле, взять ее на глубине. Под действием ударных импульсов различной частоты и мощности вмещающие породы, измененные серпентиниты и дуниты, разрушаются. Их КамАЗ сгружает в отвалы – вон те, откуда мы пришли. А жильный материал антигорит-карбонатного состава с хромитом и демантоидом – мы зовем его «матрасом» из-за полосчатого облика – отбиваем зубилом, молотком и раскидываем по мешкам для перевозки в город. Это в общих чертах, чем мы здесь занимаемся. В лаборатории уже другие люди извлекают камень из породы, сортируют, делают огранку, оценивают, а после продают. Если есть вопросы, Валентина, задавай.

Михаил Андреевич, как настоящий профи, на пальцах объяснил работу целого карьера, при этом уложился менее чем за минуту, но у Вали все-таки возник вопрос:

– А что здесь делает геолог? Контролирует работу экскаватора, и только? Что буду делать я?

– Не волнуйся, работы непочатый край! Елгозинский участок по площади немаленький. Здесь начинается, а продолжается в той стороне, – сказал Козлов и махнул рукой в направлении южных бортов: – Лицензия на недропользование у нас до двадцать пятого года, и мы ведем поисковые работы за пределами карьера. За этот полевой сезон мы прошли участок шлиховым опробованием²⁸, и проб, скажу тебе, немерено! Теперь ждем результат... Так вот, пройти-то мы прошли, ну а сейчас нам надо подготовить все шлихи к минералогическому анализу: отделить магнитную фракцию от немагнитной, и так по каждой пробе, а их порядка пятисот. Времени это займет немало, ну а дальше садиться за бинокляр и все это смотреть. Когда согласишься, – проговорился Михаил Андреевич (и Валя сразу поняла, какие на нее имеются виды), – надо составить карту шлихового опробования; она-то и покажет перспективные участки, где что искать.

– И вы хотите, чтобы этим занималась я?

Браться за такое ей не приходилось, но новый вид работ ее несколько не пугал.

– Да, – серьезно посмотрел Козлов. – Здесь нужна внимательность, усидчивость, и по опыту скажу, что лучше поручить эту работу девушке. Ты кто по специальности, минералог?

– Да, с кафедры минералогии, – кивнула та.

– Ну вот тебе и карты в руки! Я видел твоё резюме, Антон Валерьевич мне показывал. Мы собирались искать человека, кто сел бы за шлихи, магнитную сепарацию и минанализ, – и в это время позвонила ты, очень удачно! Антон Валерьевич мне сказал, что нашел геолога с квалификацией геммолога, но, как я понял, оценкой ты не занималась?

– Нет, ни дня, – призналась Валя. – Работала по основной специальности, хотя те знания остались.

– А это главное. В породе андрадит от оливина отличишь? – Козлов решил устроить ей проверку.

²⁷ Пустая порода, покрывающая залежи полезного ископаемого. При его добыче убирается.

²⁸ Метод поисков полезных ископаемых, который заключается в отборе рыхлых проб и их промывке до получения шлихов – концентрата тяжелых минералов, устойчивых к выветриванию.

– Конечно, как не отличить? – и с растерянной улыбкой Валя стала перебирать в памяти диагностические свойства этих минералов.

– И как? Если оба зеленые...

Она подумала немного, после чего уверенно сказала:

– Цвет не показатель. Смотреть нужно по кристаллическому облику: он разный. Андрадит – это гранат с четкими кристаллами, отдельные вкрапленники в породе, а оливин – основная зернистая масса. Лучше дайте образцы, и я определю.

Козлова такой ответ устроил. Проверку потенциальная сотрудница прошла.

– Насмотришься еще! – сказал он бодро. – Этого добра у нас навалом: вмещающие дуниты, считай, на девяносто процентов состоят из оливина. Андрадит встречается не так уж часто, в основном демантоид и топазолит²⁹. Ну ладно, вижу, что основы знаешь. Геологию конкретно нашего участка тебе по ходу расскажу.

Стоять так можно было долго, но начальника карьера ждали срочные дела. Михаил Андреевич быстрым шагом направился к экскаватору и на ходу махнул рукой, мол, пошли со мной, не отставай.

Когда они подошли, «карьерный дятел» прекратил долбежку и из кабины спрыгнул коренастый мужичок. Мозолистыми пальцами он достал из пачки сигарету и затянулся, сощурился от удовольствия глаза.

– Ну че, дядь Миш! Белая херня еще не вылезла, зелень сплошняком одна! Докудова долбить?

– Леха, ты че при даме материшься? Не белая херня, а жила! Ща посмотрим, че там у тебя. Перекури пока!

«Дама» хотела сказать, что за годы работы подобный лексикон стал для нее привычным, но делать этого не стала, а прониклась симпатией к начальнику, который, будучи суровым полевым геологом, в ее присутствии следил за языком. Она кивнула машинисту в знак приветствия, и Козлов представил их друг другу:

– Алексей, управляет нашей птичкой. А это Валентина, новенький геолог, будет жилы нам искать.

Леха ответил коротким кивком. Несмотря на крепкое сложение, он обладал комичными чертами лица. Огромные светлые глаза с бесцветными ресницами и крупный, характерной формы рот, а также лысина делали его похожим на популярного в недавнем прошлом Крейзи Фрога³⁰. Выглядел он лет на сорок пять, но был не старше сорока; что значит, работа на производстве отнюдь не молодила.

Экскаватор стоял на ровной площадке, наступая гусеницами на край ямы, ширина и глубина которой достигали метра полтора. Гидромолот застыл в ожидании команды машиниста. Он отбивал породу с противоположной стенки, расширяя яму до тех пор, пока не встретит жилу – контролирующий геолог за этим внимательно следил.

Перед тем как отлучиться, Михаил Андреевич сказал пройти по зелени до условной метки, а дальше ничего не трогать; Леха так и сделал. Теперь Козлов спустился в яму и с минуту осматривал стенку, после чего сказал:

– Приконтактная зона, какая красота.

– Контакт между жилой и вмещающей породой?

– Да, на-ка посмотри.

Валя наклонилась и взяла из его рук темно-зеленый образец с петельчатой структурой.

– Серпентинит?

²⁹ Редкий драгоценный камень медово-желтого цвета. И демантоид, и топазолит – разновидности граната-андрадита. Не путать с топазом – относительно распространенным минералом, а оттого недорогим.

³⁰ Популярный в начале нулевых анимационный персонаж-лягушонок, который издавал звук, имитирующий звук двигателя мопеда.

– Да, аподунитовый серпентинит. Вишь, какой трещиноватый? Здесь был разлом, образовались трещины, крупные заполнились жилами. Демантоид кристаллизуется как на стенках трещин, так и в самих жилах. На нашем участке тектоника важна не меньше, чем минералогия. Запомни это. Зона разлома – важный поисковый признак, его не упускай.

К яме подошли двое рабочих, тех, кто недавно занимался откачкой воды. Оба были крупными, физически развитыми мужиками. Один был похож на среднеазиата, широкоскулый, с узкими глазами, а второй – типичный голубоглазый славянин.

– Где все? – спросил у них Козлов.

– В балке.

– Пойти их, что ли, разогнать, бездельников? – спросил он Валю.

Напускная строгость вызвала улыбку.

– Ну че, дядь Миш, а мне куда долбить?

– Лех, не торопи. Иди вон с мужиками, попейте чаю, а бездельников тех разгоните! Сейчас отвезу геолога на станцию, вернусь, и мы с вами продолжим, – распорядился Михаил Андреевич, как только выбрался по насыпи из ямы.

Мужики довольно загалдели и направились к опушке леса, где стоял потемневший от времени балок. Из-за хорошей маскировки в тени деревьев Валя только сейчас его заметила. Дверца отворилась, и троица шагнула внутрь.

– А еще геологи здесь есть? – спросила она с интересом.

– Есть, куда ж без них. Димка пришел после горного университета. Летом занимался шлиховым опробованием, а сейчас документирует канаву. Когда закончит, хочу его на жилу натаскать, чтоб контролировал работу экскаватора вместо меня. На мне отчет, зимой уеду в город, на карьере буду появляться раза два в неделю. Нужен здесь толковый человек, – поделился планами Козлов. – А еще сезон работал Славка, техник, промывал шлихи. С неделю как уволился.

– А в чем причина, если не секрет?

– Да не секрет. Нашел что-то на золоте в Иркутской области, сказал: там *плотят* больше, и ушел...

– Значит, из геологов – мы с Димкой?

– Выходит, так. Но больше и не надо. Основные поисковые работы мы прошли. К лету наберем ребят, если потребуется.

Когда они вернулись на базу, Алик-джан сидел на табурете во дворе и чистил над ведром картошку. Он вглядывался в лица и, видимо, пытался угадать итог прогулки: остается новенькая на карьере или нет. Поскольку здешний быт разнообразием не отличался, любые перемены воспринимались с интересом, а появление женщины, единственной на целый штат мужчин, – вдвойне.

Перед тем как сесть в машину, Валя помахала Алику рукой и сказала громко, чтобы он расслышал:

– До свидания! Скоро увидимся!

– Да свидания! – привстал тот с места.

«Форд» выкатил с площадки и покинул базу. Алик проводил его полукивком-полупоклоном, а затем сел на табурет и вернулся к своему занятию. Через полчаса он должен ставить мясо на огонь, чтобы встретить мужиков горячим ужином – на этот раз наваристой шурпой.

* * *

В тот же день Валя созвонилась с управляющим директором и доложила о поездке на карьер. Теперь, когда начальник участка все показал и рассказал, вид работ больше не вызы-

вал вопросов, а условия проживания и того превзошли все ожидания: заселиться в отдельный домик было ей за счастье, она сказала, что готова приступить к работе.

Антон Садырин дал добро на понедельник, шестое октября. Уточнив в отделе кадров важный для нее момент, он предупредил заранее, что в первый месяц устроит ее по договору подряда, пока она не принесет им трудовую книжку. Деваться было некуда, и Валя согласилась.

Теперь она хотела получить расчет за вахту и следом же отправить заявление на увольнение в Красноярск. Но знала: сообщи она сейчас, есть риск, что ее кинут и не заплатят ничего. Когда имеешь дело с такого рода фирмами, приходится хитрить и выжидать. Ей ничего не оставалось, как запастись терпением. Деньги должны были перевести в начале октября, но время шло, а извещений о зачислении не приходило.

Недолго подождав, Валя Гордеева решила позвонить начальству, а после разговора, вся красная от возмущения и злости, пересказала тете, что ей выдал главный инженер, и, не стесняясь в выражениях, добавила, что ни в одной конторе ее так не пытались развести, как в этой.

И даже удивительно, ведь начиналось все нормально и без драмы:

– Здравствуйте! Это Гордеева из группы ГХИ, – представилась она. – А можно уточнить, в каких числах зарплата?

– Здрасьте, – ответил Соболев спокойным, ровным тоном. – Вовремя ты позвонила, как раз собирался тебя набрать. Ты помнишь, что подходит вахта? Заехать нужно чуть пораньше, десятого числа.

Валя растерялась. Мало того, что он проигнорировал ее вопрос, так озадачил новой информацией.

– Про вахту помню... – сказала она немного погодя. – Но с деньгами туго, а тут еще в дорогу собираться...

– До десятого начислим, не переживай. Одолжи там у кого-нибудь, друзей, знакомых.

Вале не понравились пренебрежительные нотки и чувство, будто бы не ей должны, а, наоборот, она им задолжала.

– И еще, – продолжил главный инженер. – Мы с директором решили не переводить тебя пока что из стажеров. Ты не до конца обучена. Постажируйся еще с месяц, наберись побольше опыта, чтобы мы поставили тебя одну. На эту вахту заедешь в той же должности, а со следующей переведем в геологи, согласна? – проговорил он быстро и решительно, чтобы Гордеева не могла вставить и слова.

Думал задавить ее авторитетом, но получил отпор:

– Нет, мы так не договаривались! Вы сказали, что стажировка первый месяц, а потом переведете на основную должность! За двадцать тысяч в Новый Уренгой я точно не поеду! – отвечала она твердо и на повышенных тонах.

Конечно, Вале не стоило так эмоционально реагировать, ведь ясно, что ни на какую вахту она не собирается и все, что нужно ей, – это скорее получить расчет. Но ее настолько возмутила политика шарашкиной конторы, мол, хотим – заплатим, а не хотим – пусть лапу сосет, что она не удержалась и дала понять: сосите сами.

Затянулась пауза. Похоже, Соболев не ожидал сопротивления и не собирался рассусоливать с девчонкой, ведь было кому заехать вместо нее. Да и понимал, что специалистов, от безысходности согласных на ничтожные условия, на самом деле пруд пруди, и стоит кинуть клич, как выстроится очередь.

– Значит, вместо тебя заедет другой геолог, – произнес он под конец, видимо, желая вызвать у нее досаду.

– Пусть заезжает, – был ее ответ.

Глава 4. Попутчик

Когда в понедельник в час дня синий «Форд» въехал на базу, «Девятка», «Нива» и «Хонда-Цивик» уже стояли в ряд. Начальник приезжал одним из первых, но сегодня припоздал, так как с утра пришлось побегать с Валентиной, устроить ее и на складе получить комплект спецовки. Теперь же, когда «невеста одета и обута», Козлов переключил внимание на карьер.

Он вышел из машины и позвал рабочих:

– Батырбек, Василий!

– Да, дядь Миша! – живо отозвались из кухни.

В дверном проеме показался человек, чья внешность соответствовала имени Батырбек, а за ним другой, Василий.

– Надо разгрузить продукты. Тащите все в кладовку, – распорядился Михаил Андреевич и открыл багажник.

Они взяли по два больших пакета и унесли в балок, где работяги-едоки вовсю звенели ложками и что-то громко обсуждали.

Вслед за Козловым из машины выбрались Сергей Михайлович – смотритель и два геолога: Дмитрий и Валентина.

Смотритель, бодренький пенсионер в очках и клетчатом картузе, был доверенным лицом директора: утром Валя видела, как тот пил кофе в его кабинете и называл его по имени – Антоном. Она не знала, кем они друг другу приходились, но, если один – Сергей, а другой – Валерьевич, понятно, что не сыном и отцом. Сергей следил за тем, как отбирают жилу, а после вызывал машину и лично доставлял все добытые камни в город. Антон доверил эту миссию ему, а не Козлову – и этот факт говорил о многом.

Второй же, Димка Чупин, ехал на заднем сидении рядом с Валею. Из разговора с ним она узнала, что тот окончил горный университет в этом году. Молодой геолог был невысокого росточка, со светлыми волосами и гладким, безусым лицом. Со стороны его могли принять за паренька-подростка, а в алкомаркете – запросить на кассе паспорт, что, по признанию Димки, случалось с ним частенько. Но он уже привык и относился к подобным ситуациям легко: на Валино «молодо выглядишь» ответил встречным комплиментом, мол, спасибо, знаю, и ты тоже сохранилась хорошо.

Когда они приехали на базу, Козлов велел перекусить и топать в карьер. Фронт работ он расписал еще в пути: первые три дня Валя стажуется у Димки, смотрит все породы, какие здесь встречаются, а затем документирует отдельную канаву и с ноября уже уверенно садится за шлихи. Димка в скором времени начинает руководить экскаватором, чтобы заменить начальника зимой. Все четко и понятно, не надо добираться своим ходом фиг пойми куда и мухлевать с замерами на буровой, подумала в дороге Валя.

В домике она переделалась в камуфляжную спецовку, переобулась в новые ботинки из грубой кожи, а следом, вооружившись ложкой и тарелкой, отправилась на разведку в местный ресторан «Ташкент».

Перед балком курили Батырбек с Василием. Завидев Валею, они расступились. За столом сидели Леха-экскаваторщик, какой-то незнакомый мужичок и Алик-джан. Они уже закончили с обедом и собрались сыграть партейку в дурака, но отложили карты в сторону и все как один уставились на нового специалиста.

– Здравсте! – приветливо сказала Валя.

В ответ с ней поздоровались, а незнакомый лысый мужичок спросил:

– А девушка у нас кто?

– Я говорил тебе: геолог, – встрял Леха. – Напомни, звать-то как тебя? Если не путаю, то Валя?

– Валентина, – поправила она с улыбкой, оглядела комнату и спросила со стеснением, выдающим новичка: – А где у вас еда?

Алик сразу подскочил с табуретки и поманил ее к плите, к большой кастрюле с супом, где в два половника наполнил ее миску.

Мужики подвинулись, и Валя села на край стола. Она принялась хлебать простенький суп из рыбных консервов вприкуску с белым хлебом.

– А я Евгений, Жека. Камазист, – представился ей лысый мужичок.

– Приятно. Я здесь уже была, так что знакома с вашими ребятами. Алик, Алексей, а там, если не ошибаюсь, Батырбек с Василием, – назвала она по именам. Рабочие наострили уши, как только речь зашла о них, и заглянули со двора.

– Я, по ходу, ездил за солярой, поэтому мы не пересеклись.

– Наверное, – пожала та плечами.

Со двора слышались шаги, и на пороге показались ее попутчики, переодетые в спецовки. Они пожали руки мужикам, те уступили место им и вышли из балка. Остался только Алик на своей бессменной вахте повара: он разлил остатки супа по тарелкам и нарезал свежий хлеб.

Гордеева доела и подождала товарища по молотку. На полный желудок стало клонить ко сну, глаза ее слипались. Ей было тяжелее, чем остальным, всем тем, кто утром выехал из города: в отличие от них, она встала в четыре утра, в пять села в электричку и в восемь вышла на вокзале в Екатеринбурге. В дороге толком не спала и теперь должна держаться бодрячком до вечера, а там пойти на боковую. Радовало одно: она оформлена и больше ей не нужно добираться пять часов с заездом в главный офис, когда из Вухлы до карьера ехать полчаса. В следующий понедельник, даст бог, нормально выспится и приедет, как и все, к обеду.

Через пятнадцать минут Димка закончил с обедом и повел ее в канаву.

Когда геологи спустились в карьер, там уже всю кипела работа. К удивлению Вали, железный «дятел» сменил оперение – а вернее, клюв – и вместо гидромолота орудовал ковшом, выгребая отбитую породу и перемещая ее в кузов КамАЗа для дальнейшей выгрузки в отвал. В тот день, когда начальник проводил экскурсию, работал только экскаватор, а сегодня подключился самосвал, и шум от техники усилился вдвойне.

– О как. Экскаватор ваш два в одном? – заметила Валя.

– Ага, все делает один. Работы на карьере не сказать что много... Так что обходимся и так, – ответил шагавший рядом Димка.

– Кстати! – вдруг вспомнила она. – Я приезжала на прошлой неделе, и ваши вскрывали жилу. Ну и как, что-то нашли?

– А, не, пустышка, дёмиков не оказалось. Одни оливиниты. Жека вывез все в отвалы.

– О как, обидно! Столько трудов, работы...

– Да бывает, – пожал плечами Димка с равнодушным видом. – Зато знаем, что в том месте нечего искать. Увидели, пустышка, и лезть глубже нету смысла. Андреич любит повторять, что в геологии отрицательный результат тоже результат.

– Так-то да, – согласилась Валя. – Если поиски не подтвердились, не нужно вкладываться в более детальную разведку. Это экономит время, деньги, силы, которые лучше направить на другие перспективные участки.

– Да, так и есть.

Они шли к дальнему южному борту, вдоль которого тянулась расчистка, углубляясь на полтора метра от поверхности карьера. Летом экскаватор прошелся здесь и выдолбил канавы, которые должны были подсесть основные жилы и проследить их направление.

Выходные выдались дождливыми, и молодой геолог знал, какой сюрприз их может ждать на месте, поэтому спросил у Валентины, не привезла ли та с собой купальник.

И точно, опасения подтвердились: канаву затопило так, что спуститься в нее можно было в сапогах-болотниках. Или же в плавках. Кольшек с отметкой: «9 м» плавал в мутной глинистой воде в компании из пожелтевших листьев и засохших веток.

– Вот и приплыли... – сказала Валя при виде этой картины. А про себя понадеялась, что их не станут держать до пяти, а отпустят на базу.

А если нет, то что им делать здесь? Позвать рабочих, чтобы мотопомпой осушили эту лужу? Но те первым делом обслуживали экскаватор, ведь техника не должна простаивать без дела, а геологам не оставалось ничего другого, как ждать. Часы показывали без пятнадцати два, и все отлично понимали, что откачка воды займет немало времени и геолог не успеет много задокументировать до конца рабочего дня, а утром начинать по-новому, поскольку за ночь снова набегит грунтовая вода, получившая подпитку после сильного дождя. Предпринимать сейчас что-то бессмысленно, но все решения принимал начальник.

Гордеева вопросительно посмотрела на коллегу – он же, махнув рукой Козлову, крикнул:

– Андреич! Подойди сюда!

Через минуту Козлов стоял с ними над затопленной канавой и вспоминал известную «картину Репина».

– Реально приплыли... И что теперь делать, Андреич? – спросил Димка с озадаченным лицом.

– Как что, надевать плавки и нырять, – ответил бодрым голосом начальник. – Есть же в Азии нырятьщики за жемчугом? И у нас на Урале будут нырятьщики за демантоидом!

– Так покажи нам мастер-класс, как надо, – не растерялся Димка, озорник. – Ты первый, а мы следом за тобой!

Шутки шутками, но Михаил Андреевич признал тот факт, что откачивать воду сейчас нет смысла, Батырбек с Василием займутся этим с утра. Димке он сказал идти с ним к экскаватору, а Вале, раз ничем не занята, просмотреть документацию канав и другие материалы по месторождению. Спросил, где ей удобнее сесть, и отпустил ее на базу; она взяла у Димки полевой журнал и быстренько ушла.

В домике она засела за документацию. Вчитывалась в описание канав и всматривалась в их зарисовку. Глаза слипались, но она прогоняла сон как могла: в рабочее время спать было никак нельзя. Что о ней подумает начальник, если постучится в дверь и увидит, что геологиня дрыхнет среди бела дня, пока другие вкалывают в карьере? А ничего хорошего: решит, что к ним устроилась лентяйка, и поменяет отношение. Ей не хотелось выставлять себя не в лучшем свете, и, когда стало совсем невмоготу, она заставила себя прибраться в домике и как-то дотерпела до шести, до ужина.

А в восемь наконец легла в кровать. И перед сном произнесла чуть слышно: «Сплю на новом месте, приснишь жених невесте». Она не очень-то и верила в это нехитрое гадание, но каждый раз, ночуя в новом месте, по привычке повторяла заученные слова. Обычно сны ей не запоминались, но, может, в этот раз привидится жених?

Она была б не прочь его увидеть, кто он такой и как хоть выглядит.

* * *

На следующее утро геологи отправились в канаву и подождали, пока Батырбек с Василием заведут мотопомпу и откачают воду. Димка успел отрисовать девять метров в пятницу, а оставшиеся шестнадцать хотел добить сегодня, чтобы завтра взяться за новый интервал. Канав оставалось немного, и ему не терпелось скорее с ними закончить и приступить к стажировке у Козлова. Работа с экскаватором казалась интереснее, и понятно почему: там он ищет жилу и сам решает, где долбить, к нему прислушиваются и начальство, и мужики, а здесь копаются, как кот, в холодной, грязной яме, один и не замеченный никем.

В канаве Димка размотал рулетку, замерил заново длину, двадцать пять метров, и поставил колышек с отметкой: «9 м» туда, где ему место – на девятый метр. Вслед за ним спустилась Валя; не успела геологиня сделать и шагу, как по самую щиколотку увязла в грязи. Хорошо хоть, что предусмотрительно надела не ботинки, а резиновые сапоги.

– Дим, а сколько метров в день сдаешь? Какая норма? – спросила она, осмотревшись по сторонам. По мокрым стенкам чуть слышно стекали струйки воды, под ногами шмякала грязевая жижа.

– Нормы нет. Меня никто не подгоняет. Ну а вообще выходит метров десять, – ответил ей коллега и следом пояснил: – Геология здесь сложная, все мято-перемято, породы сильно измененные, иной раз голову сломаешь, как это лучше обозвать. Видишь ту белую хрень? – и Димка ткнул молотком в стенку канавы. – Это зонка минерализации, где по идее сидит наш демантоид, и мы должны все эти прожилки отрисовать и описать. Но это еще полбеды: участок, сильно обводненный из-за грунтовых вод. У карьера глубина двенадцать метров, плюс у канавы метра полтора, так что заливает только так. Пойдут дожди – вообще начнется веселуха. Андреич хочет побыстрее все добыть.

Валя понимающе кивнула: да, условия такие, что не позавидуешь. Там, где она работала, канавы копались на поверхности, а не в карьере, и были сухонькими. Летом, в пик жары, когда с геологов сходило семь потов в маршрутах, канавы становились спасительным укрытием, где можно было отсидеться в холодке, но превращались в грязевые ванны осенью, с наступлением дождей.

– А пробы, получается, не отбираешь никакие?

– Нет, только образцы на шлифы³¹.

– А шлифы куда?

– В отчет. Петрограф³² с нашей кафедры посмотрит и скажет точно, что как называть. Мы-то называем приблизительно – а как еще, когда сплошная измененка?

– Это точно, без ста грамм не разберешь, – согласилась Валя и пошкрябала жилу ногтем – она увидела какой-то интересный минерал и полезла в карман за лупой: – Скажи, а что встречается из рудных?

– Хромит, магнетит. Их здесь завались.

Валя посмотрела в лупу на черную вкрапленность, а затем достала маленький магнит на нитке. Проверила: тот притянулся, значит, магнетит.

Время до обеда пролетело незаметно. Сперва Димка расставил колышки, заготовленные с пятницы, а затем выбрался из канавы и сверху сфотографировал стенку и полотно³³, пока опять не затопило. Каждое фото охватывало трехметровый интервал: от девяти до двенадцати метров, от двенадцати до пятнадцати и так далее. Димка показывал, а Валя поправляла палки, если те стояли косо: на фото все должно быть ровно, чисто и красиво. Как-никак пойдет в отчет.

В канаве он достал свой горный компас, замерил элементы залегания пород, в блокноте сделал пометки и набросал примерную зарисовку, чтобы затем перенести все в чистовик. Гордеева стояла рядом и набивала глаз на всю эту елгозинскую «зелень». Она знала, что расхождений в документации не должно быть, и если один геолог относит породу к серпентиниту, то и другой дает такое же название. Иначе будет путаница, а это ни к чему.

³¹ Тончайший срез горной породы, приклеенный на стекло и предназначенный для изучения под микроскопом. Не путать с термином «шлихи».

³² Специалист по горным породам.

³³ Дно канавы.

Вопросов, как документировать канавы, у нее не возникало. Требования были везде одни и те же: в Приморье и на Колыме Валя занималась тем же, чем ее коллега на Урале. Отличались сами породы, поэтому она внимательно смотрела и запоминала, с чем имеет дело в этот раз.

Без десяти двенадцать «карьерный дятел» перестал скрести по камню и мужики всей толпой поспешили на обед.

– Кстати, как тебе местный магазин? Ты там был? – спросила Валя по дороге.

– А, в смысле, деревенский? Да нормальный, – пожал плечами Димка. – Мы покупаем хлеб на базу, а еще там неплохая выпечка: булки, чебуреки. То, что привезешь из города, до пятницы не долежит, а там все свеженькое. Можем сходить после обеда, если хочешь, тут недалеко.

– Давай, я только за.

Так и договорились.

К их приходу в кухонном балке было не протолкнуться. Вспотевший Алик не отходил от плиты и, не выпуская из рук половник, накладывал в тарелку за тарелкой. Рабочие уселись за столом и за обе щеки уплетали макароны по-флотски. Те, кому не хватило места, шли обедать к себе. Димка предложил поесть и встретиться во дворе полпервого.

В условленное время Валя вышла из своего домика и вместе с Димкой отправилась в деревню. Геологи свернули с базы на проселочную дорогу и, пройдя немного, поравнялись с участком, где копались нелегалы. Вдруг кто-то выкрикнул:

– Димон!

Димка остановился и дружески махнул рукой. Недалеко от дороги, с краю небольшой прогалины, дымил костер, а вокруг него расселись трое мужиков, кто-то на поваленном бревне, а кто-то на пеньке. От костра пахло тушенкой, которую хитники разогревали на огне.

Один из них, с черной щетиной, в бандане, замызанной энцефалитке и таких же грязных сапогах-болотниках, сказал что-то своим и, встав с бревна, широким шагом пошел к геологам. При виде его Димка подался чуть вперед. Хитник приблизился почти вплотную и протянул натруженную руку, а после хлопнул Димку по-братски по плечу.

– Ну че, братиш, здорово! Как ты?

– Здорово! Да в порядке. Идем в магаз. У вас че, перекур?

– Да, курим, время обеда. А это кто с тобой? – чернявый посмотрел за Димкино плечо.

– А-а, Валя, наш геолог, – ответил Димка и обернулся, точно усомнившись, а правильно ли он ее представил. Должно быть, вспомнил, что начальник и мужики с карьера – все звали ее Валентиной.

– А я Тимур, – прищурившись, кивнул ей хитник.

– Приятно познакомиться, – сказала та.

Тимур достал из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой и переключил внимание на своего приятеля.

– Димон, смотрел на той неделе бой в Лас-Вегасе? Макгрегор втащил Порье!

– Ага, красиво его уложил! Как кто-то написал в комментариях: что будет, если не заплатить сантехнику, – весело заметил Димка.

– Ха, точняк! – подхватил, смеясь, Тимур. – Когда не оставил сантехнику на чай, – и оба живо и с азартом принялись обсуждать прошедший бой.

Гордеева стояла в сторонке и с любопытством разглядывала хитника. Прежде ей не доводилось видеть искателей камней вблизи.

Тимур и сам был как боец: крепкий и плечистый, с накаченными руками. Работа, которой он занимался, с лихвой заменяла тренажеры: попробуйте-ка вырыть шурф³⁴ (не экскаватором, а вручную) и перемыть эту породу – хотите не хотите, а мышцы накачаете. Его загорелое лицо

³⁴ Вертикальная горная выработка, чаще квадратного сечения и небольшой глубины. Внешне напоминает колодез.

покрывала черная щетина, на вид он был не старше тридцати, но щуплый и безусый Димка казался совсем мальчишкой рядом с ним.

Валя всматривалась в мужественное лицо, в его живую мимику. Тимур это заметил и посмотрел ей пристально в глаза. Тогда Валя полезла в телефон проверить время и напонила, что им пора идти.

...Пока шли в магазин, спросила Димку по дороге:

– То, чем занимаются эти ребята, ведь нелегально? Такие смелые: копаются у нас под носом, у поворота на карьер. Им что, не прилетит за это?

– А что им прятаться? Дёмик хоть и редкий, но гранат. А гранат не относится к драгоценным камням первого порядка³⁵. Ныкаться надо тем, кто занимается изумрудами, александритами, – пояснил коллега со знанием дела. – Вот там без церемоний, закроют сразу по статье. А здесь на мужиков хоть и поглядывают косо, но по закону не придраться – пока что не придраться. Но вот увидишь: в будущем и с дёмиками все ужесточат...

* * *

В среду завершилась стажировка, и в четверг Валю ждала отдельная канава. Козлов велел рабочим осушить ее и, дождавшись этого, спустился с Валею посмотреть породы.

Они шлепали по грязевой лужице, скопившейся по полотну. Тяжелые бурые брызги оседали на сапогах.

– Ну что, Валентина, освоилась за эти дни?

– Да, вроде.

– Хорошо.

Он сколот пару образцов молотком и рассмотрел их через миниатюрную лупу с десятикратным увеличением, затем передал Вале, чтобы тоже посмотрела. Пройдясь вдоль стенки и изучив, чем она сложена, Андреич дал напутствие геологине.

– Смотри: здесь та же картина, что и на десятой канаве, – подытожил он. – Принципиально нового ничего не вижу. Идут серпентинизированные дуниты, а в них – небольшие прожилки и гнезда с карбонатом и хромитом. Если повезет, то встретишь демантоид. Теперь знаешь, где его искать.

– Хотелось бы. Хоть посмотреть, какой он здесь. На той канаве не попалось ничего... – сказала Валя раздосадованно и вместе с тем с азартом, знакомым каждому геологу. – Встречались жилы, но пустые. Без видимых камней.

– Увидишь, не переживай. В шлихах этого добра полно, – заверил Козлов, а Валя восприняла его слова как мотивацию здесь не засиживаться. – Давай-ка поскорее добьем эту канаву. В идеале за сегодня-завтра. Вполне реально сделать тридцать метров за два дня, что скажешь? А не успеешь до пятницы, за выходные на хрен все затопит, и в понедельник откачивай поновому. Сама видишь, какие тут условия...

– Я постараюсь, Михаил Андреич.

– Молодец, – одобрительно похлопал по плечу начальник. – Тогда не теряем времени, работаем!

Андреич выбрался из канавы и зашагал к застывшему экскаватору и ждавшим распоряжений мужикам. Леха курил и смачно сплевывал, расточая сочный матерок. Батырбек с Василием переговаривались с ним на том же языке. Жека на КамАЗе с грохотом сгружал породы в дальние отвалы.

³⁵ Согласно Федеральному закону РФ № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», к таковым относятся природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, природный жемчуг в естественном и обработанном виде, а также уникальные янтарные образования.оборот этих камней жестко контролируется государством.

Грубая, живая болтовня, сдобренная крепким словцом, добавляла картинке производственный колорит и в то же время воспринималась со стороны комично.

Первое время Андреич пытался просветить работяг и научить их называть породы своими именами. Но Леха упорно продолжал их называть по-своему. И теперь Андреич плюнул и стал изъясняться с ним на понятном ему языке.

– Слышь, Леха! Идешь три метра по зеленой еболе до вон той вешки. А там начнется белая херня – ее не трогай!

– Да понял я, дядь Миша.

В канавах раздались смешки: специалисты покатались с такой классификации.

– Андреич, можно я буду так писать в журнале?! – выкрикнул Димка.

– Тебе – нельзя, – буркнул в ответ начальник.

Ему, по ходу, было не до смеха.

Вскоре Валя настроилась на работу и подумала о том, с чего бы ей начать. Первым делом она измерила длину рулеткой, расставила колышки, подписанные с вечера, и, позвав на помощь Димку (тот работал в канаве по соседству), сфотографировала тридцатиметровый интервал. Коллега поправлял ей колышки, а она показывала сверху, как их выставить ровнее.

Покончив с фотодокументацией, Валя спустилась в канаву и до обеда занималась тем, что разбивала интервал на отдельные подынтервалы. Конечно, если обобщить, то верно ей сказал Андреич: все это были измененные дуниты. Зеленые, с массивной текстурой. Но она старалась находить отличия и отделять одни породы от других. Проследила, что участками дунит сохранял первоначальный облик, и на него накладывалась лишь слабая серпентинизация, а участками был сильно измененный и переходил в серпентинит. Она искала эту условную границу и, признаться, находила не без труда.

В середине канавы ей встретилась зона разлома: темно-зеленый блок был разбит системой трещин и, как паутиной, пронизан тонкими, белесыми прожилками. Стукнув молотком и посмотрев на свежий скол, Валя обнаружила, что оливин в дуните заместился серпентином, и посчитала, что породу корректнее назвать серпентинитом. Прожилки толщиной в полсантиметра и более она поцарапала ножом. Проверила: а не прячется ли в них зеленый глазок? И с досадой обнаружила, что нет, не прячется.

Она вошла в азарт и прокопалась до двенадцати.

– Валь, ты идешь? – окликнул сверху Димка.

– Ага, погодь, сейчас, – ответила она, поправив выпирающий карман.

– Э-э-э, ты че там, дёмики копаешь? И мне отсыпь маленько!

– Ага, Димон, копаю. В карманы не влезают, – произнесла она с усмешкой и показала образец серпентинита: – Целая канава этого добра.

– Этого и у меня навалом. Вот если б дёмики...

– Димон, ты бы потише там! Сермех услышит – прибежит.

– Кто-кто?

– Сергей Михайлович – Сермех. У нас так в школе звали физрука.

– А-а... Не бойсь, не прибежит, – заверил Димка и сам спустился к ней в канаву: – Он убежал на базу на обед. А так сидит в балке, читает свои книжки: детективчики там разные, про зеков и ментов. Он у нас нечастый гость. А летом... Блин, ты не застала! Он ходил в такой дебилистической панаме – мы угорали все с него!

– Что за панамы?

– По типу пляжной, с пальмами. У нас тут производство, все в робах, сапогах – а он как дачник, – насмешливо заметил Димка. – В лесок да под кусток. Шучу – по ягоды и по грибы. Работы у него здесь никакой. В карьер спускается, когда вскрывают жилу. А в остальное время ни о чем не парится – нормально так устроился мужик!

– А кто он? И кем приходится директору?

– А ты не знала? Отец его жены. Вроде как мент на пенсии. Следит за тем, чтобы никто не тырил камни. Еще стучит наверх о том, что происходит на неделе, бухают ли здесь мужики. Его за этим к нам заслали.

– А что, неудивительно. Кто-то ведь должен выполнять эту... хм... работу, – криво усмехнулась Валя.

– Ну так-то да...

Они заметили, что стало непривычно тихо. В карьере не осталось никого. У дальнего отвала мелькнули спины Жеки с Лехой – те ушли последними...

И геологи, взяв с них пример, тоже поспешили на обед.

* * *

Ударная работа не прошла бесследно, и Валя уложилась в срок. Она как знала, задокументировала весь интервал в четверг, ведь утром в пятницу ее ждала «картина Репина»: из-за ночного ливня вода в канаве поднялась на сорок сантиметров и затопила всю нижнюю часть стенки.

«Как тут не согласиться с Лехой? Е-бо-ла», – описала Гордеева одним словом.

Заметив, что Валя не спускается в канаву, Андреич поспешил узнать, в чем дело. Когда же подошел, то все увидел сам. Потоп был следствием дождливой ночи и никого не удивлял.

– Что будем делать, Валентина? – устало вздохнув, спросил Козлов.

Геологиня перевела взгляд с мутной лужи на начальника и с торжественным спокойствием ответила:

– А ничего, Михаил Андреич. Я уже отрисовала. Осталось перенести все в чистовик.

– Серьезно? – приободрился на глазах Андреич и с уважением сказал: – Ну, Валя, молодец! Значит, подстраховалась накануне? Предусмотрела риски? Вот это я понимаю: инженер.

– Я боялась, что опять затопит, и сделала вчера побольше, – объяснила та, смущенно улыбаясь. – Документация будет готова сегодня в конце дня.

– Отлично. Садись, где тебе удобно, – одобрительно кивнул начальник. – Оформляй свой полевой журнал. Ты молодец.

Андреич не обошел вниманием и Димку, поинтересовался, как успехи у него. Молодой специалист не хуже Вали успел отрисовать все тридцать метров и стоял над затопленной канавой, довольно потирая руки.

– Красавцы, – донеслось до Вали. – Что ты, что Валентина. Ну хоть не тратить время на откачку... Всегда бы так!

– Андреич, мы старались! – бодро ответил Димка.

Геологи устроились в балке (в одной комнате – Сермех, в другой – они) и к вечеру перенесли документацию в журналы. Самым сложным оказалось разобрать свою же писанину: сплошные сокращения и аббревиатуры – все в следах от грязных пальцев и засохших капель, набросанную в спешке зарисовку. Канавщикам потребовалось время, чтобы восстановить картину и грамотно все записать.

Их отвлек стук капель по стеклу. За окном рабочие накинули дождевики. Пятница клонила к завершению, и все поглядывали на часы в ожидании того момента, когда можно запрыгнуть в машины и разъехаться по домам. За главных оставались Алик с Батырбеком – постоянные обитатели Елгозинского участка. Первый сторожил базу, второй – карьер.

Козлов всех распустил полпятого. На то, чтобы дойти до базы, переодеться из спецовок в обычную одежду и рассестись по машинам, хватило пятнадцати минут. Валя закрыла домик и села в синий «Форд» к Андреичу; рядом с начальником сидел Сермех, на заднем сидении пристроился Димон.

Они доехали до станции. Согласно расписанию, электричка «Екатеринбург – Вухла» придет через полчаса и простоит здесь три минуты.

Станция находилась на пригорке, в стороне от деревушки. Поблизости не наблюдалось никого. Из-за пасмурного неба и тайги, стоявшей непроглядной стеной, казалось, что уже стемнело, хотя и шел всего-то шестой час. Почти вплотную к рельсам подступали мрачные ряды из сосен-исполинов. У их подножия угрожающе застыли низкие березки – уродливые карлики с извилистым стволом.

– Ну что, дождемся вместе электричку? Тебя посадим и поедем, – предложил Андреич. Сермех и Димка согласились с ним.

Но Вале не хотелось их задерживать. Она прекрасно понимала: им всем не терпится приехать в город и, скорее всего, у каждого на вечер свои планы, а за полчаса, которые они здесь прокукуют с ней, легко преодолеют полпути. И ответила, мол, не волнуйтесь за меня, присяду вон на ту скамейку и прочитаю книжку, а там и поезд подойдет. Зимой вот будем думать, как выходить из положения, ну а пока еще светло.

Андреич похвалил ее за смелость и, предупредив, мол, в случае чего звони, уехал.

Гордеева сошла с дороги. В одной руке она держала сумку с ноутбуком, в другой – пакет с вещами, которые везла за выходные постирать.

Дождь перестал, и все вокруг окутала влажная дымка. На платформе не было ни одной живой души. Валя поднялась по бетонным ступенькам и вытерла скамейку рукавом спецовки; присев на краешек, открыла в телефоне приложение для чтения электронных книг.

Она сидела на пригорке, спиной к дороге, лицом к путям, в джинсах и желтой куртке, ярким пятном выделяясь на фоне предсумеречной станции. Ей ничего не оставалось, как погрузиться с головой в чтение. Только бы не всматриваться в зловещие заросли, не рисовать в воображении Бабаек, какие там живут, и не шугаться при каждом подрагивании веток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.